

18+

Максим Никитин

**ИСКУССТВО
ИДЕАЛЬНОЙ
СМЕРТИ**

Максим НИКИТИН

Искусство идеальной смерти

«Издательские решения»

Никитин М.

Искусство идеальной смерти / М. Никитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686254-8

Идеальная пара. Умный дом, который знает о них всё. Идеальная смерть, которую никто не предвидел. Официальная версия: убийство и самоубийство. Дело закрыто. Но отец погибшего сына уверен — технологичный рай стал ловушкой. Тот, кто должен был защищать, — наблюдал. Тот, кто должен был предвидеть, — молчал. Где заканчивается логика системы и начинается безумие? Кто дирижировал этой идеальной смертью?

ISBN 978-5-00-686254-8

© Никитин М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Капкан	6
Часть II. Удобная версия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Искусство идеальной смерти

Максим Никитин

Редактор Алиса Викторовна Потоцкая

Иллюстратор Максим Николаевич Никитин

© Максим Никитин, 2025

© Максим Николаевич Никитин, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-6254-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Капкан

8 апреля. 10:00. Трасса М-3

Белый Porsche Cayenne, играя в шашечки, летел по трассе, как разъяренный зверь, сорвавшийся с цепи. За окном мелькала полупустая автострада – сплошное размытое пятно из столбов, съездов и редких фур. Вдоль дороги проносилась бесконечная лента отбойника.

Солнце, весеннее и обманчиво ласковое, уже высоко поднявшееся над горизонтом, нещадно палило и слепило глаза. Снег наконец сошёл полностью, обнажив серые, грязные обочины, усеянные мусором. Сухой асфальт подначивал вдавить педаль газа в пол. Стрелка спидометра опасно перескакивала отметку «200» и тут же резко отпрыгивала назад.

Адреналин щипал кожу острыми иглами и отбивал в висках бешеный ритм. Каждая неровность на дороге отдавалась в зубах скрежетом.

«Двести. Всего лишь цифра. Никакой свободы, – пронеслось в голове. – Та же клетка. Просто иллюзия. Смена декорации».

Он ловил это чувство, как наркоман, пытался обогнать поток мыслей – лавину грязи и унижений. Скорость представлялась единственным способом заглушить внутренний голос, твердивший, что он – неудачная копия отца, вечный должник и муж-рогоносец. За рулем же не было ни начальников, ни отцовских нравоучений. Только он сам и рев табуна лошадей под капотом.

– Паш! Ты меня вообще слышишь? – тонкий, настойчивый голос нарушил его нирвану, прорезав ее, словно трещина безупречную гладь лобового стекла.

– А? Да, конечно... – невпопад ответил Павел.

– Что «конечно»? – девушка на пассажирском сиденье оторвалась от планшета и с открытым недовольством посмотрела на водителя, не отпуская крепко сжатую ручку двери. В ее голосе слышалось нарастающее раздражение. – Ты можешь сбросить скорость и ехать нормально? Хватит изображать Шумахера! Меня уже тошнит от такой езды! Мало того, что я еле смогла накраситься, так теперь ты не даешь мне сосредоточиться на работе!

Он машинально на мгновение отпустил газ.

– Мил, я понимаю, но ты же знаешь, что мне надо успеть вернуться в город к вечерней встрече, – он бросил мимолетный взгляд в зеркало заднего вида. Успев заметить в ее глазах холодный блеск – предвестник надвигающейся бури, Павел тут же вновь сосредоточился на дороге, стремительно перестраиваясь на соседнюю полосу и обгоняя никуда не торопящегося «китайца».

– А мне надо доделать сценарий! И не потом, а прямо сейчас, – парировала она, с трудом сохраняя остатки терпения. – Но с такой манерой езды делать вообще ничего не возможно!

– Снимать круглосуточно видосы на телефон – это, конечно, работа, – пробурчал он себе под нос, но она все равно услышала.

– Ты правда считаешь, что моя работа – это только хлопать ресничками на камеру?

Нет, он так не считал. Он ненавидел ее работу. Презирал дурацкие коучинги и подписчиков-мужланов с их комментариями «ябвдул». Выть хотелось от ее эфиров, где она кокетливо смеялась над чужими шутками, продавая не только образ, но и частичку себя. Куда делся тот Павел, что снисходительно посмеивался над ее первыми роликами про «10 способов стать успешной, не выходя из дома»? Его смыло волной из полумиллиона глаз, ежедневно разглядывающих его жену. Полмиллиона чужих мужчин, которые видели ее утренней, сонной, смеющейся над кофе – то, что он когда-то считал своим личным, интимным.

Но в ответ он только хмыкнул – слишком точно она описала свою работу.

– Знаешь, Паш, я хотя бы сама решаю, как и когда мне хлопать ресничками. А ты... Ты до сих пор прыгаешь, когда твой папа скажет «прыг», – Мила, будто читая его мысли, расплылась все больше и больше.

– Ладно, давай только без истерик, – Павел стиснул зубы.

– Боже... – Мила закатила глаза, демонстративно возвращаясь к планшету. – Ты как маленький ребенок.

«Я не маленький ребенок!» – кричал голос в голове у Павла. – Я самостоятельный взрослый мужчина, способный зарабатывать деньги и содержать свою семью! И я прошу не так уж и много взамен! Только чтобы ты была моей. Только чтобы он наконец оставил меня в покое. Почему этот так сложно?»

Машина, словно почувствовала его ярость, рванула влево. Оглушительный гудок фуры, визг тормозов. Сердце прыгнуло в горло. Он судорожно вывернул руль, едва не зацепив бампером пыльный седан.

– Я вот не устаю поражаться, – продолжила она, не отрываясь от набора текста и возвращая его к реальности, – твоему отношению к моей профессии. Ты и твой отец, – наверное, единственные люди в моем окружении, которые не понимают важности моей деятельности и не принимают ее. Разве тот факт, что я могу сидеть дома и зарабатывать, автоматически лишает мой труд статуса настоящей работы? Ну ладно он – другое поколение, ты-то почему во всем занимаешь его сторону?!

Он почувствовал знакомый укол вины. Павел прекрасно понимал ее правоту, но осознать это, а тем более, сказать об этом вслух – означало капитулировать. Смириться с тем, что ее «несерьезная» работа оказалась серьезней его попыток вырваться из-под отцовской опеки.

– Извини, зай, – Павел натянуто улыбнулся. – Просто задумался о предстоящем договоре с индусами...

Ложь! На самом деле он снова прокручивал в голове переписку с каким-то Сереженькой, случайным свидетелем которой он стал. Ничего порочащего в той переписке не было, но душевные терзания все никак не отпускали. Едкий осадок разъедал его изнутри.

– Работай...

Мила вздохнула, понимая, что этот разговор – лишь очередная репетиция старой пьесы. Она давно привыкла к его скепсису, но все еще надеялась, что однажды получится до него достучаться, и он увидит ее труд ее же глазами.

– И знаешь, если бы не я, – ну, в смысле, ребята не предложили мне участвовать в этом проекте, мы бы никогда не то, что не смогли купить этот дом, мы бы про него даже не узнали. С твоей-то работой, – на последних словах она понизила голос, передразнивая Павла. И, подняв голову от планшета, с вызовом на него посмотрела.

Павел фыркнул:

– Ну да, конечно. Мы бы вечно ютились у родителей.

– Самому не смешно? – она скривила губы. – С твоей решимостью мы бы еще сто лет ждали одобрения твоего папочки!

– Прекрати! – рявкнул он, осознавая горькую правду ее слов. Именно ее подписчики, ее переговоры, ее наглость заставили девелоперов пойти на уступки. И без нее он на самом деле продолжил бы слушать отцовские нотации за мамиными фрикадельками еще долгое время. – Ладно, извини, – он положил руку ей на колено, сдаваясь. – Я не прав. Признаю – ты лучший переговорщик.

– Не переговорщик, – она зло сверкнула глазами, добиваясь своего. – Профессионал! И снимать контент «знакомства» с нашим домом – это теперь часть моей работы и нашей жизни, – продолжила она после небольшой паузы. – Тем более подписчикам интересно знать всё с самого начала...

Павел ехал и думал, что, конечно, она права. Опять права. А он как всегда – мальчик на побегушках и у нее, и у папы. Они давно мечтали о своем гнезде, но это было где-то в неопределённом будущем, не сейчас. Сейчас же его собственный, тайный от отца проект висел на волоске, съев все их сбережения и поставив на грань банкротства. Этот «спасительный» договор с застройщиком, который выбила Мила, был для Павла не просто исполнением мечты, а единственным шансом не скатиться в долговую яму, сохранить лицо и не выглядеть полным банкротом в глазах отца.

И да, мечтали они об одном, но по разным причинам. Он – в тщетных попытках вырваться из-под влияния отца, она – в несгораемом желании что-то доказать этому миру. И это все несмотря на то, что Милу приняли в его семью. Пусть и сдержанно, но приняли. И родители, в целом, выбору сына не противились. Вернее, противились, но не очень настойчиво. После череды семейных скандалов отец, на удивление, внезапно уступил. При том что ее «работа» вызывала у них откровенное непонимание, особенно у отца, который терпеть не мог весь инфоцыганский род и приписывал к нему практически всю молодежь, не занятую официальной работой. Мама же старалась сглаживать все острые углы и резкие проявления характера второй половины своей неизменной женской мудростью, порой совершенно неуместной, а порой – слишком показательной. Этап притирки прошел на удивление гладко. Во-первых, пятикомнатная квартира в элитном районе, отдельными санузлами позволяла членам семьи по несколько дней не сталкиваться друг с другом. А, во-вторых, легкость и непринужденность Милы пресекали все возможные поползновения раздуть скандал.

С другой стороны, ее нарочитое невежество было частью тщательно продуманного образа. Для своих «котятков» она могла с умильной улыбкой заявить в камеру: «Ой, я тут такое узнала, оказывается, планет аж восемь! Я всегда думала, что Марс – это просто шоколадный батончик, а Сатурн – такая дорогая машина!». Это работало – подписчики обожали свою «девчужку», которая, как и они, «ничего не понимает в этих сложных штуках». Но Павел видел другую сторону. В переговорах с застройщиком, юристами или рекламодателями эта наигранная глупость испарялась без следа, обнажая ум предпринимателя. Она могла часами изучать контракты, вникать в юридические формулировки и считать проценты с точностью до копейки. Эта двойственность сводила его с ума. Он видел в ней и легкомысленную дурочку, и хваткого дельца, не понимая, где заканчивается игра и начинается настоящая Мила.

Она родилась в небогатой провинциальной семье, но сумела самостоятельно поступить в престижный столичный вуз. Правда, Москва быстро ее изменила. Она освоилась и поняла, что диплом о высшем образовании – не самая важная бумажка в ее жизни. На четвертом курсе Мила ушла в академический отпуск, из которого больше не вернулась. К тому времени у нее был стабильный доход. Его хватало не только на комфортную жизнь в мегаполисе, но и на поддержку родителей-госслужащих. В итоге она помогла отцу открыть собственный бизнес. Первый стартап Мила перевела на аутсорсинг, но по-прежнему контролировала все процессы, оставаясь единственной ведущей проекта, и сама отвечала на комментарии. Теперь она занималась в основном освещением жизни спортивных клубов и продвижением новой сети фитнес-залов «Спорт рядом». Ее рабочий ритм был хаотичным. То она целыми днями не выходила из дома, целиком погружаясь в создание контента, то внезапно исчезала, пропадая надолго на съемках или встречах. При этом Мила никогда не брала трубку. А возвращаясь домой поздними вечерами, смотрела на него невинными глазами и уверяла, что просто не слышала звонков.

Внезапная идея съехать от родителей удивила его не меньше, чем ее ответы на самые глупые вопросы подписчиков. Как и многое в их совместной жизни, это произошло спонтанно и без каких-либо предисловий.

– Как ты смотришь на то, чтобы мы жили отдельно? – вдруг спросила она во время одного из их совместных завтраков.

Он поперхнулся куском бекона. Еще минуту назад они обсуждали поездку на квадроциклах в предстоящие выходные. Откашлявшись и запив апельсиновым фрешем, Павел смог выдать:

– В смысле? Что-то случилось?

– Нет, а что должно было случиться? – как ни в чем ни бывало, она продолжала есть.

– Ты так внезапно сменила тему разговора. Я подумал, не досаждаешь ли опять тебе папа.

– Паш, ты ку-ку? – она с недоумением посмотрела на него и покрутила пальцем у виска. –

Как я могла что-то не поделить с твоим папой, если они уехали в отпуск три дня назад? Ты вообще голову из работы вытаскиваешь хоть иногда?

– А, точно. Они же уехали.

– Так как ты смотришь на это?

Тогда ему удалось перевести разговор на другую тему, и он надеялся, что к этому диалогу они еще долго не вернуться. Но уже через несколько дней он увлеченно строил с ней планы о покупке загородного дома. Потом наступила резкая тишина...

«Неужели с того разговора прошел всего месяц? А ведь он уже забыл о той идее, списал ее на очередную мимолетную фантазию».

Как вдруг она прислала ему ссылку с лаконичной подписью: «Смотри, что нашла! Берем?»

И вот сейчас они уже мчатся на просмотр дома, расположенного в пятидесяти километрах от Москвы. Идеальный вариант? С ее точки зрения – безусловно. Загородный дом вдали от суеты столицы, где все необходимое – под рукой, а в город можно выезжать только ради удовольствия. Но он не может позволить себе пропускать регулярные рабочие встречи. Хотя... со временем их можно сократить. К тому же, рано или поздно у них появятся дети, а жизнь за городом для них куда лучше и безопаснее. Возможно, это и вправду хорошая мысль. Да и торговалась она виртуозно – управляла людьми, словно дирижер оркестром, и выбила такие условия, о которых он и мечтать не смел. Так что можно закрыть глаза на остальные нюансы. Которые, конечно, были...

По условиям сделки, в их обязанности входило целый год вести прямые трансляции из «Умного дома». Только, боже упаси, ничего общего с пошлым «Домом-2». Нужно просто виртуозно и артистично вести соцсети, придерживаясь канвы основного сценария, сдобренного щепоткой живой импровизации. Расчет был, разумеется, на рекламную мощь ее много-тысячной армии подписчиков. А запланированные встречи с другими знаменитостями сулили взрывной рост охватов. Застройщик вынашивал поистине наполеоновские планы.

– Ты вообще понимаешь, что нас ждет? – Павлу приходилось повышать голос. – Это же на самом деле реалити-шоу!

– Ну и что? – невинно пожимала в ответ плечами Мила.

– Ну и что? – закипал Павел. – Мы будем жить как в аквариуме! Камеры, стримы, подписчики в нашем холодильнике...

– Ты преувеличиваешь, – она показательно закатывала глаза. – Ты сам хотел свой дом.

– Дом! Но не шоу!

– Конец моей личной жизни, – причитал он на следующий день. – Я даже в семейных трусах по дому не смогу ходить! На кой черт мне тогда сдался такой дом?

– Ты станешь узнаваемым человеком, – ничуть не иронизируя, вторила она ему. – Может, сам Дольче Габбана выберет тебя лицом своей новой коллекции нижнего белья!

Противостоять ее напору было невозможно, но решающим, однако, стал не он, а холодный расчет отчаяния. Когда же к этому добавилась неприлично низкая цена за особняк такого уровня, его сопротивление рухнуло, погребенное под обломками собственной финансовой катастрофы.

Даже отец, который поначалу яростно противился таким безумным тратам, неожиданно сменил гнев на милость и решил помочь с покупкой. Правда в тайне от невестки.

Милана, словно актриса перед премьерой, настроила камеру, мимолетно коснулась губ блеском, небрежно поправила макияж.

– Примадонна... – не удержался Павел.

Мила фыркнула и вернулась к экрану. Ее пальцы с маникюром «кровавый закат» быстро забегали по клавиатуре

– Ты просто не понимаешь, какое это напряжение – быть для всех идеальной. Каждый день, каждую минуту, – в ее голосе вдруг послышалась усталость, не предназначенная для эфира.

Павел кивнул. Он и правда не понимал. Не понимал, почему она так боится показать себя настоящую – ту самую девочку из провинции, что до сих пор вздрагивает, когда официант в ресторане называет ее «девushка» вместо «мадам».

Тем временем Мила, одарив зрителей лучезарной, выверенной улыбкой, начала эфир:

– Доброе утро, мои дорогие и ненаглядные котятки! – ее голос зазвенел, как хрустальный колокольчик. – Надеюсь, вы все уже проснулись, сладко потянулись и готовы победить этот день? – Она сделала небольшую артистичную паузу, будто дожидаясь ответа даже от самого заспанного котенка, и продолжила. – У меня утро началось с чашечки обжигającego ароматного эспрессо и вкуснейшего тоста с нежной форелью и авокадо...

– Всего двести тридцать семь килокалорий, – еле слышно пробормотал Павел.

Возле его лица гневно затрясся маленький кулачок.

– И вот теперь – я вместе с Пашей, – камера плавно повернулась в его сторону. – Паша, улыбнись и поздоровайся! Сегодня, как и обещала, я расскажу о грандиозном сюрпризе! Один из он-лайн-зрителей получит обещанную награду – индивидуальную часовую тренировку со мной в любом из фитнес-залов сети «Спорт рядом». Но и это еще не все! Каждый месяц среди самых активных зрителей буду разыгрывать множество потрясающих призов. О времени эфиров я буду предупреждать заранее. А сейчас... мы едем в самое чудесное место на свете! Нет, не на экзотический остров. Мчимся напрямик в наше будущее гнездышко, нашу обитель, где мы планируем провести всю свою оставшуюся жизнь, потому что все остальное просто бессмысленно. Встречайте – инновационное поколение умного дома! Первый и единственный в своем роде. Здесь все подчинено безграничному комфорту и отдыху. Все, что нужно – отдать голосовую команду не вылезая из кровати, чтобы, например, кофемашина к вашему приходу приготовила любимый, свежемолотый кофе...

Конечно, она еще не до конца разобралась во всех хитросплетениях функционала их будущего дома, поэтому отчасти цитировала ролики, которые просматривала и зубрила всю прошлую ночь. Но дом казался ей таким крутым, что голова шла кругом от счастья и ощущения пойманной за хвост жар-птицы. Поэтому скептицизм мужа ее откровенно задевал.

– И не забудь еще рассказать своим котяткам, сколько это удовольствие стоит. А также сколько мне придется вкалывать для погашения кредита, – вполголоса бросил Паша, пытаясь вернуть ее из мира грез.

Но остановить ее трансляцию было выше его сил. Заготовленная речь лилась, как горная река, не замечая преград. Она парила в идеальном будущем, которое сама же и создала.

– Приехали, репортер, заканчивай съемку, – в голосе Павла послышалось облегчение.

Милана на мгновение прикрыла камеру и, бросив беглый взгляд на открывшийся вид, тут же вернулась к эфиру:

– Ну вот мы и на месте! Мои пушистики, я вас ненадолго покидаю. Все самые сочные кадры и моменты ждут вас в сторис! Всех целуюююю!

Она выключила трансляцию и прильнула к окну, оставив на стекле запотевший кружочек:

– Ух тыыы! Пааш, смотри! – она, обернувшись, схватила его за руку и принялась неистово трясти. Ее глаза сияли как у ребенка перед витриной игрушечного магазина.

– Да вижу я, вижу, – он широко улыбнулся, заражаясь ее восторгом. – Только не тряси меня так сильно, а то сотрясение заработаю.

Они проехали КПП, едва сбросив скорость перед шлагбаумом, который взметнулся вверх сам собой, словно по волшебству. Слишком... предсказуемо.

Машина плавно нырнула в тень широкой сосновой аллеи. Воздух сразу изменился – стал хвойным, густым, почти осязаемым. Абсолютно ровная дорога обрамлялась изящными бордюрами и аккуратными дренажными канавками. По обеим сторонам, словно стражники покоя, замерли причудливые фигуры, искусно выстриженные из кустов с хирургической точностью. Их дополняли ажурные фонари и декоративные элементы, а кое-где разворачивались целые живописные композиции, прямо как в сказке.

– Смотри! Лемуры! – Мила снова принялась трясти его за руку, указывая в сторону поляны.

На небольшом возвышении, среди аккуратных кустов, расположилось целое семейство животных, созданных неизвестным мастером из темных и светлых растений. Их длинные хвосты, обвитые плющом, придавали фигурам особую грациозность. Немигающие глаза-фонарики смотрели на гостей с загадочным выражением.

– Прикинь, как это будет выглядеть летом? – голос звенел от восторга. Она уже представляла себе буйство зелени и солнечные зайчики в листьях.

Павла бросило в холод. Что-то здесь было не так – что-то глубоко, до тошноты знакомое. Эти безукоризненные кусты были отражением выверенного до миллиметра мира его отца. Мира, от которого он пытался сбежать на бешеной скорости и в котором оказался снова. В голове вдруг появилась картинка: каждую ночь эти самые кусты бесшумно подбираются все ближе к дому и наконец заползают в окна...

Чуть поодаль, в глубине угадывалась извилистая дорожка, но рассмотреть детали было невозможно.

Мила приоткрыла окно, и салон автомобиля наполнился ароматом загородного воздуха. От непривычной свежести у нее слегка закружилась голова, как от глотка шампанского. Девушка закрыла глаза, глубоко вдохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула, ловя каждую нотку хвойного благоухания.

– Каааайф, ты слышишь его? – прошептала она.

– Кого? – Паша отвлекся от разговора, его занимал перекресток впереди.

Риелтор уверял, что они сами сориентируются и найдут дорогу. Но о том, что им предстоит почувствовать себя богатырями на распутье, предпочел умолчать.

Мила не ответила. Она снова вдохнула полной грудью и унеслась в мечты на несколько лет вперед, где уже гуляла всей семьей по этой алее, держа за нежные ручки двух малышей.

Указатель на развилке вдруг ярко вспыхнул стрелкой, сообщая направление движение направо. Через пятьсот метров еще один, поменьше, – загорелся цифрой «8» и указал на массивные ворота.

– Ты камеры видишь? – Паша пригнулся, вглядываясь в кусты в поисках скрытой техники. Его паранойя нарастала с каждой секундой.

– Нет, – Мила огляделась. Она поняла к чему клонит муж.

Нога уже почти нажала на педаль тормоза, но в этот момент высокие ворота, украшенные коваными узорами, пришли в движение, будто приглашая в сказку, открывая вид на просторный паркинг, а вместе с ним и на огромный дом в стиле викторианской эпохи. На крыше высилась башенка с флюгером – кентавр из натянутого лука целился в невидимого врага, словно охраняя покой обитателей.

Павел аккуратно въехал во двор и остановил машину рядом с белоснежной Audi. Ворота сразу же бесшумно закрылись у них за спиной, а им навстречу уверенной походкой уже шел молодой человек с ослепительной, до рези в глазах, улыбкой.

Его образ – специально созданный для продажи элитных домов «не-для-всех» или получившийся так случайно – был безупречен. Но и Павел, и Милана невольно им залюбовались. Костюм из темной дорогой ткани сидел на нем словно отлитый. Плотным облаком обволакивал дорогой парфюм. Слишком идеально. Слишком... неживо.

– Дооброе утро, – нараспев произнес он, протягивая одну руку девушке, а второй снимая элегантные очки. – Очень приятно видеть вас в числе избранных! Вы – одни из первых, кому посчастливилось оценить этот уровень жизни. Добро пожаловать домой, в наш элитный мир!

– Мы еще не владельцы, – отрезав Павел. Голос звучал ровно, но в нем ощущалась сталь. Его взгляд скользнул по руке незнакомца. Та все еще сжимала пальцы его жены.

– М-де? – молодой человек неестественно округлил глаза и театрально приподнял бровь. Он томно посмотрел на часы – и это явно было частью его, заранее подготовленной роли. – О черт! Опять спешат! Извините. Меня зовут Илья.

Он наконец-то отпустил руку Милы, и протянул ее Павлу.

– Я ваш проводник в царство комфорта и высоких технологий. Имя ему – ваш новый дом.

Мужчины обменялись твердым и сухим рукопожатием, точно заключили договор. В момент, когда пальцы разжались, Павел уловил предательскую деталь: легкий румянец на щеках Милы и еле заметную смущенную улыбку. Она тут же попыталась ее скрыть. В груди что-то похолодело и тяжело оборвалось.

– Начнём наше путешествие! – Илья широко развел руками, будто пытаясь жестом охватить всю площадь. – Цифры оставим бухгалтерам. Вы и так видите, какая большая территория. Масштабы говорят сами за себя. Конечно, сейчас можем пройтись вместе – я проведу обзорную экскурсию. Однако предлагаю немного отложить эту прогулку, чтобы вы смогли полностью погрузиться в атмосферу и позже переварить впечатления от увиденного и услышанного.

Он взглянул на пару в ожидании одобрения и, после утвердительного кивка, продолжил:

– Что стоит отметить? В том дальнем углу, – он махнул рукой, – закрытая беседка с верандой. Настоящий мини-дом: уютная комната, современный санузел с раковиной и стеклянная крыша. Идеальное место для барбекю, вечерних посиделок и наблюдений за звездами. Или если вдруг супруг вернется пьяным, а вы не захотите его впускать...

Илья говорил тихо и твердо. Можно было подумать, что он зачитывает инструкцию к божественному творению, частью которого был и сам. Его взгляд скользил по Миле с холодным оценивающим любопытством. Так проверяют, подходит ли образец под параметры системы. И это бесстрастие злило Павла куда сильнее откровенного флирта. В каждом жесте Ильи читалось превосходство человека, который не продает, а посвящает избранных в великую тайну.

– ..., – то он всегда сможет переночевать там, – продолжил Илья с невозмутимым видом. Хотя в глазах мелькнул хитрый огонек, он явно предвидел эффект от своих слов.

Мила от души рассмеялась и обернулась к мужу:

– Понял? Беру на вооружение! – и, заметив мрачное выражение лица Павла, тут же сменила тон, игриво подмигнув. – Ну что ты такой серьезный? Не расстраивайся. Максимум – одна ночь.

Она снова прыснула со смеху. Глаза искрились, она явно наслаждалась вниманием и этой пикантной ситуацией.

Гид ничуть не смущаясь, добавил:

– Что крыша интерактивная с функцией световых подсказок – не стану скрывать, хотя мог бы устроить сюрприз. Она оснащена зумом и переключается в графический режим. Хотите

посмотреть Марс почти с его поверхности? Получите реалистичное изображение по последним данным астрономии. Или Млечный Путь. Забавная штука, быстро не надоест. В остальном это обычное помещение с теми же принципами, что и в самом доме: комфорт и безопасность. Территорию вдоль забора засадили молодыми плодовыми деревьями. Все достаточно разнопланово. Детали – в инструкции, которую вы получите при покупке. Не стоит задерживаться на этом. Что важно: полив и очистка автоматические. Не нужно бегать с лейками, метёлками или вызывать бригаду таджиков. Растения получают воду вовремя и в нужном объёме. Мусор и листва будут собраны в кучи, вам останется только организовать вывоз. Зимой дорожки также расчищаются. А вот стрижка газона и уход за растениями – ваша забота. Или тех самых таджиков. Кстати, за разбитый огород тоже отвечать вам. Впрочем, полагаю, у вас другие планы на ландшафт. Вот, собственно, и все. Давайте уже зайдём в дом.

Он многозначительно глянул в камеру телефона Милы и поманил рукой за собой. Дверь бесшумно уехала в сторону, пропуская внутрь. Павел на миг забыл о своем недавнем раздражении и шагнул следом за женой. И тут его внутренний детектор паранойи взвыл. Дом встретил их ни ароматами свежей краски, ни древесины, а... ничем.

Воздух висел стерильной пеленой, будто его не просто кондиционировали, а тщательно профильтровали от самой возможности запаха, от памяти о жизни. Это было не благоухание новостройки. Скорее, нечто, и оно обозначало новые, навязанные правила существования. И это было хуже любого аромата. Страх усиливался. Казалось дом затаил дыхание в ожидании. Павел почувствовал себя не хозяином, переступающим порог, а подопытным существом в идеальных условиях эксперимента.

Илья пропустил их вперед. Дверь бесшумно вернулась на место, тихо щёлкнув замком.

– Банальный датчик движения? И как его отключать при выходе? – Павел скривился. – Зачем такое в частном доме? Тут не сетевой магазин.

– Отключать? – Илья мягко улыбнулся. Так отреагировал бы взрослый в ответ на вопрос ребенка – можно ли отключить силу притяжения. – Это не дверной звонок, Павел. Дом – живой. Он видит, слышит и... понимает. Сам решает, кого впускать и выпускать. С вашего согласия, разумеется. В основном, – он опять усмехнулся. – Вас он будет пускать автоматически, поэтому насчёт ночёвки в беседке... была шутка.

– Хм, – настороженно хмыкнул Павел. В поисках подвоха он слегка сдвинул брови. – То есть, чисто гипотетически, он может впустить постороннего человека и выпустить его обратно, а я не узнаю даже, что у меня дома кто-то был.

– Да, – ответил Илья. Он выдержал небольшую паузу для драматизма. – Но есть одно «но». Дом проводит глубокий анализ лиц и учитывает множество параметров. Чужой человек с улицы не зайдет. Если же кто-то сумеет прорваться внутрь, дом изолирует его в одной из комнат. А вот если придёт сантехник, зайдёт в туалет, устранит проблему с трубами и при этом не навлечет на себя подозрений, то да – вы, вероятно, ничего не узнаете. Он спокойно покинет территорию. Поэтому не переживайте. Все перемещения фиксируют камеры наблюдения. Вы сможете пересмотреть записи в любое время, при необходимости внести коррективы. Например, действия дяди Васи вам показались неприемлемыми или подозрительными, но при этом вам нужно, что-бы дядя Вася приходил и копал огород. Тогда вы говорите дому: «Дядю Васю больше не пускать без моего присутствия». И впредь дядя Вася сможет войти только, когда вы сами откроете ему дверь. Таким образом контроль остается полностью в ваших руках.

– А если нам нужно будет срочно выйти?

– О, он вас никогда не запрет, – на лице Ильи на миг появилось выражение программиста, наблюдающего за пользователем. – Вы же хозяева. Он просто... оберегает ваш покой. Иногда слишком настойчиво.

– Потрясающеее! – восторженно выдохнула Мила и снова посмотрела на мужа плавающими глазами, требуя ответной реакции. – Да?

Но Павел лишь сдержанно кивнул, сжимая ключи в кармане. Зазубренный край впился в ладонь, и боль оставалась единственным реальным ощущением в этом ватном кошмаре. Внутри все кричало: «Он! Он решает! Он – не я! Он здесь хозяин, а я – гость в собственном доме!»

– Нам пора двигаться, – жестом пригласил их Илья. – Продолжим нашу экскурсию. Здесь в будущем появится шикарный зимний сад. Он станет настоящей жемчужиной вашего дома. А пока вашему вниманию предлагается его скромную начальная версия.

Перед гостями открылся просторный атриум без потолочных перекрытий, уходящий ввысь к самой крыше. Распахнутый навстречу небу он поражал своим великолепием уже сейчас. Среди растительности выделялись две величественные пальмы. Они стояли как гвардейцы на страже молодой поросли. Разнообразие растительного мира захватывало. Мила и Павел замерли в попытке угадать хоть что-то.

– Растения декоративные, но многие плодоносят, – гид неспешно продвигался вперед и продолжал вещать. – Если повезёт, сможете сорвать мандарин или лимон прямо с ветки. Плюс множество цветов, но в них я, увы, не силен. Названия, если честно, забыл. Припоминаю только орхидеи. Но все в ваших руках – при желании сад легко наполнить ароматами. Ах да, где-то тут притаился ананас, но, с вашего позволения, искать не стану. Полив и контроль влажности почвы Дом берет на себя. Дальнейший уход – ваше творчество. А за садом...

Они обогнули изгородь.

– ... вас ждет лаунж-зона с роскошным гамаком и двумя массажными креслами. Настоятельно советую завести певчих птиц. И боюсь, отсюда вы уже не захотите уходить. Особенно, если кто-то еще и еду будет приносить...

Илья громко рассмеялся. Его смех подхватила Мила. Кажется, ей действительно все нравилось. Павел попытался улыбнуться тоже, но вышло через силу, криво.

– Главное, через год-другой, когда деревья разрастутся, вход сюда станет почти незаметным. Его будет не найти. Так что можно прятаться от гостей. И даже от детей, – добавил Илья, и Павлу показалось, что он подмигнул его жене. Слишком уж двусмысленно была произнесена последняя фраза.

Улыбка сползла с лица ревнивого мужа. Он начал следить за каждым движением говорящего, пытаясь уловить малейший нюанс в его поведении. Но Илья проигнорировал перемену в настроении Павла и продолжил:

– Пройдемте вот сюда, – он вновь жестом указал направление.

Двери при их приближении плавно распахнулись.

– Та же система? – бросил Павел. Он обернулся, но не остановился и врезался в косяк.

– Абсолютно, – Илья придержал его. – Аккуратнее. На всех дверях сенсоры движения. Свет включается автоматически по мере вашего приближения к нужной зоне, а выключается после анализа вашего местоположения. Освещением и его интенсивностью можно управлять голосом. Проще говоря, все работает само, но вы сохраняете иллюзию... тьфу, полный контроль над процессом. В общем, так.

Он сделал паузу и дал им осмотреться.

– Это гостиная. Из особенностей сверхпрочный стеклопакет. Производитель уверяет, что он выдержит очередь из автомата Калашникова. Проверок, конечно, не было, но я бы с удовольствием посмотрел на такой тест. Окна открываются автоматически, при пожаре, допустим. Или по вашей голосовой команде. Микроклимат поддерживается системами, поэтому постоянно открывать их не придется. Разумеется, есть интернет – роутер вон в той нише – и телевизор, как и в большинстве помещений. В остальном – обычное пространство для семейных обедов или отдыха у камина. Кстати, у вас есть опыт обращения с камином?

– Нет, не приходилось, – покачал головой Павел. Он почувствовал знакомый укол неполноценности и досаду.

– С удовольствием проведу инструктаж при необходимости, – предложил Илья, глядя на Милу. В его голосе вновь послышались нотки превосходства.

Павел почти физически ощутил, как между ними возникло взаимопонимание. Повисла неловкая пауза. Павел неуверенно, но все же стараясь сохранять достоинство, прохаживался по комнате. Его жена, напротив, с неподдельным энтузиазмом изучала каждый уголок. Мила посидела немного за столом, сделала несколько селфи, потом с разбегу плюхнулась на софу, поглаживая живот с видом сытого и довольного человека, при этом не переставая заливисто смеяться.

– Прошу на кухню, – прервал эту сцену Илья несколько минут спустя.

– Вааау! – эмоции Милы били через край. – Подождите, я обязана это заснять! Мои котятки должны видеть, как живут по-настоящему успешные люди.

– Обратите внимание, – Илья дождался окончания съёмки. – Кухня шикарная, многофункциональная и не менее умная. Все из дерева, столешница – камень. Встроенная техника. Шкафчики заполнять придётся самим, поэтому на них останавливаться не буду. Пробежимся по технике.

Он подошёл к одному из шкафов и распахнул дверцы:

– Двухкамерный холодильник. В целом – все как у людей. Но у него есть право вам сообщить, что вы купили несвежие продукты или что-то требует утилизации, – Илья постучал костяшками по матовой дверце. – Он обо всем позаботится. И доложит.

– Впечатляет... – мечтательно протянула Мила.

– Далее, – он шагнул к раковине. – Посудомоечная машина. Вмещает посуду после приема дюжины гостей и моет только по зонам загруженности. Сама определяет сколько средств ей потребуется. Загружать моющие нужно где-то раз в месяц, не чаще. Раковина с измельчителем отходов, а для всего остального – ваш личный мусоропровод. Пневматика отправит пакет с мусором куда нужно.

Илья открыл дверцу под раковиной, демонстрируя устройство.

– А запах? – сморщилась Мила.

– Во-первых, вы будете использовать прочные пакеты. Во-вторых, все уносится под давлением. Но даже если вы бросите что-то без упаковки, система обработает антисептиком и дезодорирует поверхности. Не переживайте. – Он легонько толкнул дверцу в полной уверенности, что та закроется сама, и направился дальше.

Лицо Милы вытянулось от удивления. Она толкнула мужа локтем в бок, мимикой показывая: «Видал?»

– А вот тут – чудо-печь, – Илья остановился у колонны, со встроенной духовкой.

– Она, как в сказке, выдаёт все по заказу, – не преминул вставить Павел.

– Ну, практически, – после секундной паузы ответил Илья. – Это микроволновка. Но в отличие от обычной, где еда холодная, а тарелка горячая, здесь все прогревается равномерно до нужной температуры. Управление, как вы догадались, голосовое. А также это духовой шкаф с функциями, которые удивят опытных кулинаров. Ну и... – это скатерть-самобранка.

Он замолчал, глядя на притихших молодых людей. Казалось, они готовы поверить в любую небылицу.

– Вы чего? – рассмеялся Илья. – Правда думаете, печка будет приносить еду?

– Я почти поверил, – выдохнул Павел и поднял руки в знак поражения.

Мила изобразила на лице разочарование.

– На самом деле, она готовит простые блюда, как мультиварка. К определённому времени сварится каша или суп. Короче, оцените сами, не разочаруетесь.

– Теперь твои кулинарные эксперименты точно будут удачными, – прошептала на ухо Павлу Мила. – И я даже рискну их попробовать.

– А напоследок, – не останавливался Илья – супер-комбайн: хотите кофе – пожалуйста, практически любые виды к вашим услугам. Чай? Несколько контейнеров специально для этого. Сок? И это тоже может.

– А воду в вино превращать? – Милу переполнял восторг.

– Он – нет, – театрально вздохнул Илья, – а в баре возможно все. Об этом позже. Должны же оставаться сюрпризы?

– Да тут все – сплошной сюрприз, – пробурчал Павел.

– В остальном – без особых изысков, – сделал вид, что не расслышал Илья. – Приготовить, перекусить... Ой, чуть не забыл – тёплые полы. Не уверен, что будете часто пользоваться, но с детьми спокойнее. Возвращаемся?

– Обратно?

– Да, кухня глухая. Особенности планировки и коммуникаций диктуют правила. Да и незачем ей быть проходной.

Они вышли в коридор.

– Прошу сюда, направо.

Перед ними открылся кабинет – меньше гостиной, но с уютным диваном, где мог бы скоротать ночь взрослый человек. В центре массивный дубовый стол с моноблоком, рядом – роскошное кожаное кресло – оно будто приглашало поработать с комфортом – и высокий книжный стеллаж во всю стену.

– Это ваш будущий рабочий кабинет. Место для встречи или уединения. Можно устроить неплохую домашнюю библиотеку и спрятаться от жены. Хотя... – он взглянул на Милу, – вам вряд ли пригодится. Вариантов много. Сейчас здесь центральный компьютер: можно следить за всеми камерами в реальном времени или смотреть архив. Поскольку это рабочая зона, отсюда есть отдельный выход в душевую кабину и туалет, чтобы не мешать семье. Пройдемте за кулисы.

Илья ловко нырнул в небольшое углубление в стене. Оно переходило в узкий коридор. За поворотом виднелись две двери, напротив друг друга.

– Девочки – налево, мальчики – направо, – весело объявил гид, разворачиваясь к ним. Он указал на двери, и молодые люди послушно двинулись вперед.

– Стойте! – Илья подхватил Павла – тот неуклюже споткнулся о порог. – Я же пошутил. Тут один туалет, общий. Можете заглянуть, но ничего особенного. А вот здесь... – он распахнул дверь слева, – расположена современная душевая кабина и сауна. Проходите.

– Ого, – удивилась Мила, – а сауна где?

– Сауны у нас две: классическая финская и турецкий хамам. Хотите попробовать обе? Двери прямо перед вами...

Закончив осмотр первого этажа, они вернулись в просторный холл у лестницы. Милана трепетала от восхищения и украдкой поглядывала на мужа, в надежда разделить радость. Павел хранил олимпийское спокойствие, лишь его взгляд изредка выдавал волнение.

– Здесь выход на задний двор, почти к беседке. Собственно, это весь первый этаж. Готовы подняться выше, в царство грез? – Илья, пригласил их следовать за собой.

Наверх вели широкие ступени. Мягкий свет залил коридор второго этажа теплым, обволакивающим сиянием, реагируя на их движение.

– Второй этаж – ваша личная территория. Полностью жилая зона, – Илья, обвел рукой пространство. – Слева спальня и детская. Спальня – уже готова, здесь все продумано до мелочей. А детская... Детская, по решению компании, остается чистым холстом. Для ваших идей и самых смелых фантазий. Это комната с мягкими стенами, самая безопасная в доме.

Сначала они зашли в спальню.

– Никакой вычурности. Только функционал: большая кровать с ортопедическим матрасом, вместительный шкаф-купе и телевизор во всю стену. Но свои фишки есть. Одним словом

можно отрегулировать интенсивность света и тем самым создать настроение. А окна меняют прозрачность – не нужно никаких жалюзи или рулонных штор.

Пока пара изучала интерьер, Мила не сдержалась и плюхнулась на кровать, проверяя упругость матраса. Илья застыл в дверном проеме и терпеливо наблюдал за их реакцией.

– В конце коридора гостевой санузел, – сказал он, когда увидел, что они готовы двигаться дальше. – Справа – вторая спальня, ванная и еще один санузел. Ничего особенного, кроме джакузи и небольшого бара. Идеальное место для коктейля после тяжелого дня. Но советую держать это в секрете от гостей, а то желающих расслабиться в вашей ванне может стать слишком много.

Илья смотрел, как пара медленно плывет по коридору. Молодые люди заходили в комнаты, касались руками поверхностей, открывали шкафы – пытались ощутить душу будущего дома через каждую деталь.

– Остался третий этаж – обитель вдохновения. Прошу. – Он легко взбежал по лестнице, остановился на последней ступеньке и пропустил их вперед. – Здесь все лаконично и просто, без лишнего пафоса. Чистый минимализм. Два столика – для пинг-понга и бильярда. Отличное место для активного отдыха и уютных вечеров под дождь. А в ясную погоду рекомендую подниматься сюда, чтобы с чашечкой чая наслаждаться великолепными закатами. Огромные панорамные окна выходят на запад. В солнечные дни их можно распахнуть, получится открытая терраса для солнечных ванн.

– Паашаа! – запищала Мила в восторге. – Смотри, какой потрясающий вид! Это же мечта! И она сбылась...

Не в силах ждать, она схватила мужа за руку и потащила к окну:

– Смотри! Тут же поместятся два лежака и зонтик. Две маргариты... Солнце... М? – Она лукаво заглянула ему в лицо.

– Прекрасный выбор, – Павел решил ей подыграть. – И официантка такая: «Что вы еще желаете?», да?

– Нет, дорогой, я тебе сама все принесу, – отрезала она, повернулась к Илье и добавила: – Можно туда выйти прямо сейчас?

– Разумеется, это же ваш будущий дом.

– А открыть как? – она недоуменно уставилась на раму в поисках ручек.

– Попробуйте сказать об этом дому. Он готов подчиниться любой вашей команде.

Прошло минут тридцать, прежде чем Мила, сияющая от счастья, вернулась и дала знак двигаться дальше.

– А теперь, в завершение нашего путешествия, спустимся в подвальное царство, – Илья устремился вниз по лестнице, периодически оборачиваясь, чтобы убедиться, что они не отстают. – Я не буду интересоваться вашими впечатлениями, хотя вижу, Милана просто горит от желания ими поделиться. Не так ли?

Он протянул ей руку и помог сойти с последней ступеньки.

– Вы же обещали не интересоваться, – она выдернула руку и рассмеялась.

Они спустились в подвал.

– Здесь все просто и функционально, без прикрас. Часть помещений – это чисто технические. Вы не будете ими пользоваться. Здесь бьется сердце дома. Сюда может заходить обслуживающий персонал. Не пугайтесь, если встретите человека в спецодежде. Дом всегда держит ситуацию под контролем.

– Это безопасно? – Павел нахмурился. Перспектива появления чужих мужчин в доме, даже технических сотрудников, его не радовала. Илья почувствовал напряжение. Он тихо выдохнул и развернулся к Павлу.

– Позвольте задать встречный вопрос? У вас дома работают посторонние? Уборщица, повар?

– Предположим, – растерянно ответил Павел.

– Вы считаете – это безопасным?

– Вполне.

– То есть вы гарантируете, что уборщица не позарится на ценности, а повар не плюнет в суп и будет мыть руки перед началом работы?

– Ну... – Павел, на секунду представил эту абсурдную картину. – Надо тщательнее выбирать персонал. Ценные вещи хранить в надежном месте. И контролировать качество работы – необходимость.

– То есть вам самому придется следить за персоналом и за вещами, тратить время? Вы же не можете доверять людям с первого дня?

– Согласен, – неохотно кивнул Павел. Логика аргумента была железной.

– В данном случае Дом полностью берет на себя эти функции. От контроля за техническим состоянием до замены перегоревшей лампочки. Его задача освободить вас от необходимости следить за оборудованием. Любые неисправности выявляются и устраняются заблаговременно. Все работы выполняют профессионалы с соблюдением строжайших мер безопасности. Например, если Дому нужен электрик, а пришёл сантехник – он внутрь не попадёт. Специалист должен быть в фирменной спецодежде и с пропуском. Дом пропустит его только в то помещение, где требуется ремонт. И выпустит обратно, блокируя доступ в другие комнаты. Если ремонтник захочет попутешествовать – эта экскурсия окажется в одну сторону. Дом его изолирует, а вы получите уведомление. То же самое, если работник попытается что-то присвоить или скомпрометировать хозяев. Но вероятность встретить постороннего минимальна, и вы всегда будете в курсе. Я ответил на ваш вопрос?

– Пааш, – Мила уже не контролировала эмоции и смотрела на мужа, не понимая его сдержанности.

– Да, согласен, удобная функция, – коротко кивнул Павел.

– Но вернёмся к вашим помещениям, – Илья спокойно продолжил рассказ. – Вот просторный гараж на три машины. Вам хватит, надеюсь? Плюс два парковочных места у главного входа. Для мегавечеринки – перед воротами поместится еще машины три – четыре. Есть мойка, поэтому если вы ярый перфекционист и чистюля, то можете регулярно мыть свой автомобиль прямо дома в боковом боксе.

– Будешь рилсы на мойке снимать? – тихо толкнул жену Павел.

– Исключительно с тобой в главной роли, – с улыбкой парировала Мила, подмигивая ему.

– Продолжаем движение, – Илья, деликатно проигнорировал их обмен репликами и распахнул дверь в следующее помещение. – А здесь у нас полноценный спортивный комплекс...

– Вааау! – в который раз не смогла сдержаться Мила. Она застыла на секунду, а затем включила телефонную камеру, торопясь запечатлеть каждый уголок.

– ... с бассейном на две дорожки и зоной отдыха. Температура воды поддерживается автоматически, но вы всегда можете ее изменить. Дезинфекция, очистка, контроль качества – работает без вашего участия. Механическую очистку тоже проводят без вас. На той стороне – беговая дорожка, велотренажер и...

Он внезапно замолчал, заметив, что его никто не слушает. Девушка брызгала водой в мужа с дальнего края бассейна, а Павел устремился к тренажерам.

– Ты чего взбеленился? – раздраженно спросила Мила, едва они вышли на улицу. Дверь мягко закрылась, оставляя Илью внутри.

– Да он же открыто флиртовал с тобой! – Павел еле сдерживался, понижая голос до гневного шепота. – Ты даже покраснела! Вы знакомы? Это он надоумил тебя купить этот дом?!

– Ахаха! – звонко рассмеялась она, запрокинув голову. – Тебе опять почудилось!? Я его вижу впервые. Человек просто делает свою работу. И надо отдать должное – с огоньком.

– Но...

– Успокойся, Отелло, – она повернулась и прервала его нежным поцелуем. – Я люблю только тебя. Пойдём воевода, обойдём твои владения.

Она опять громко засмеялась и потянула его за руку. Участок поражал размахом. Вдоль забора стеной стоял колючий декоративный кустарник. Ближе к центру виднелись заросли малины или ежевики, а между ними – смородина. Дальше начинался плодовый сад с причудливыми карликовыми деревьями.

– Пошли к беседке! Хочу посмотреть панорамную крышу! – не давая мужу опомниться, Мила повлекла его за собой в дальний конец участка.

Вернулись они только через час. Илья ждал их у черного входа с телефоном в руках. Увидев пару, он убрал гаджет в карман и шагнул на встречу:

– Вижу по лицам – эмоции зашкаливают.

Павел молча кивнул с широкой улыбкой. Он поддался охватившему его возбуждению и потерял контроль над мимикой.

– Что ж, на этом экскурсионный тур объявляю закрытым. Провожу вас к выходу. В следующий раз вы будете хозяйничать без меня. Главное запомните: Дом слушает только вас. Подчиняется только вам. Чутко реагирует на ваши желания, читает мысли и подстраивается под ваш режим. – Илья протянул Павлу визитку, понизив голос до заговорщицкого шепота. – На правах хозяина. Разумеется, вся мебель остаётся на местах. Можете докупать что-то по своему вкусу, но учтите: перед сделкой вам предложат пройти тестирование, и, по его результатам, некоторые аспекты дизайна могут измениться. После этого вам вряд ли захочется еще что-то менять. Разве что детскую. Остались вопросы?

Он замолчал и посмотрел на них выжидающе. Они остановились у машин.

– Меня беспокоит вопрос обслуживания дома, – Павел наконец совладал с эмоциями и перешел на рациональный тон. – Чем сложнее техника, тем выше риск поломок. Хотелось бы узнать срок гарантии и понять особенности сервиса.

– В этом наша уникальность. Раз в полгода проводится плановая диагностика всех систем, но вы этого не заметите. Все работает в фоновом режиме, не нарушая ваш комфорт. Поверьте, очень скоро вы забудете о бытовых проблемах. Дом сам поддерживает порядок и бесперебойную работу. Его возможности практически безграничны. Он умеет слушать и слышать. Скоро он научится считывать ваше настроение и адаптироваться под него. Аналогов в мире не существует. Это Дом мечты!

30 апреля

Тёплый майский вечер, наполненный густым ароматом цветущей в лесу черёмухи, опустился на землю. Солнце еще держалось у горизонта, но вот и оно исчезло. Последний луч скользнул по верхушкам деревьев, оставив на небе теплые рыжие полосы. Закат терял яркость, уступая место мягким сумеркам. Верхушки сосен растворились в наступающей темноте и стали частью единого мрачного силуэта леса.

Дым от мангала стелился по участку вдоль земли до самого забора. Упирался в него и клубился густыми, ленивыми облаками. Он захватывал все больше территории, вытеснял посторонние мысли и возвращал к простому, земному. Аромат жареного мяса приятно щекотал ноздри, пробуждал аппетит и заставлял желудки нетерпеливо урчать в предвкушении.

Аркадий Филиппович в дорогом, но скромном кашемировом свитере молча обходил территорию нового домовладения. Словно принимал парад. Его оценивающий взгляд скользил по идеально подстриженным кустам, беседке, мангалу – он искал изъяны. И уже нашел с десяток. Каждый такой несовершенный уголок казался ему личным оскорблением, доказательством того, что без его контроля все идет наперекосяк.

За мангалом сосредоточенно колдовал отец Миланы. Для Алексея Ивановича это был священный ритуал – накормить семью, быть полезным в этом новом, блестящем мире дочери, где он чувствовал себя чужаком. Здесь, у огня, он был на своем месте – не гость, а кормилец. Разгоряченный жаром и несколькими стопками коньяка, в простой футболке и шортах, он ловко махал металлическим опахалом, распределяя жар. Лицо блестело от пота, футболка прилипла к спине, вокруг – рой комаров... Но он был так погружен в процесс, что не обращал внимания даже на них. Время от времени машинально отмахивался, не отрываясь от мяса, и тихо мурлыкал себе под нос незатейливую мелодию. Мужчина то затенял собой свет углей, то, наоборот, уходил на задний план, и взору открывался причудливой формы металлический короб, внутри которого шипели куски мяса, покрываясь золотистой корочкой.

– Лешенька! – Из беседки донесся слегка нетрезвый, смеющийся голос. – Мы тут все умрем с голода, и тебе придется это добро есть в одиночку!

К нему присоединился смех еще двух женщин, заглушая шелест листвы на ветру.

– Пааап, ну ты скоро? – сияющая Милана в белом летнем платье подошла к нему и обняла, ловко делая селфи. Глаза девушки блестели от радости и алкоголя: этот вечер был для нее особенным, и она хотела, чтобы все прошло гладко. – Все уже слюни глотают!

– Еще пять минут, доча! – Алексей не отрывался от мангала, но щедро одарил дочь улыбкой. – Чтобы вы потом тарелки облизывали, а не дрались за туалет.

– Папа, ты у меня лучший шеф-повар на свете! Прямо как Гордон Рамзи, только свой, родной! – она, звонко смеясь, вернулась в беседку.

На раскладном стульчике замер его полупустой стакан с коньяком. Алексей держал бутылку с водой, периодически делая глоток, чтобы смочить пересохшее горло, и снова погружался в священнодействие у костра.

– Вот черт! – вырвалось у него, когда один из углей внезапно вспыхнул ярким пламенем. – Ну что ты так пыхаешь?

Он тут же направил струю воды из той бутылки на очаг непокорности.

Павел нервно переминался с ноги на ногу у стола, не решаясь ни к кому присоединиться. Он ловил каждый жест отца, каждый его взгляд. Заметил, как тот бегло осмотрел бутылки с вином, выбранные Милой, и едва уловимо поморщился. В конце концов, Павел налил себе минералки и рванул вслед за отцом.

А в прозрачной полукруглой беседке новоиспеченная хозяйка уже размахивала бокалом с недопитым розовым вином и вовсю спорила с мамами:

– Но ведь это реально работает!

Две ее собеседницы – мать и свекровь, почти ровесницы, но такие разные – сидели по обе стороны от Миланы. Обе выглядели расслабленными и довольными. Пустые стаканы на столе среди тарелок с салатами, овощами и фруктами красноречиво говорила: вечер в самом разгаре.

– Доченька, – пьяно улыбнулась одна из женщин – та, что была одета проще, – неловко поправляя выбившуюся прядь. – Я может и отстала от жизни, сначала подавшись в учительницы, потом вернувшись на родину...

– Мам, – перебила Мила, – дело не в профессии и не в географии! Важно желание развиваться. Смотреть вперед! Как ты относишься к жизни – вот что важно.

– Дай договорить, – настойчиво продолжила мать и слегка нахмурилась. – При всех твоих нынешних успехах, я настаиваю: вернись и закончи институт. Пусть диплом лежит себе

на полке. Это страховка. Чтобы не остаться у разбитого корыта, когда мы уже не сможем тебе помочь.

– Любовь Петровна, – Мила обернулась к свекрови. – Вы хоть поддержите меня!

В этот момент дверь беседки распахнулась, обрывая спор.

– Дамы! Прошу к столу! – раскрасневшийся Алексей, пыхтя, нес огромное блюдо с дымящимся, ароматным мясом. – А я пойду сейчас наших мужчин позову.

– Ну что ж, сын, – мужчина протянул стакан с виски, едва коснулся стакана Павла и сделал короткий глоток. – Поздравляю тебя еще раз с покупкой. Дом действительно хорош. И как вложение денег – отличное. Своевременное. Мне ребята из твоего банка намекнули насчет проблем с ликвидностью. По твоему... хобби. Надеюсь, этот дом станет для тебя не просто крышей, а хорошим уроком. Риск – дело благородное. Но только когда можешь себе позволить проиграть.

Лицо Павла исказила гримаса. Отец все знал.

Они спустились в коридор, остановились у одной из уже развешанных картин.

– Оригинал? – удивленно спросил отец.

– Нет. Копия. Но очень дорогая, – Павел еле выдохнул. Он все еще не оправился.

– Недурно. Появляется вкус, – они неспешно двинулись к выходу. – С документам все чисто. Юристы проверили договор, подводных камней нет. Ипотеку я закрою через пару месяцев. Банк выставил запрет на досрочное погашение, так что оставляю им на прокорм тысячу сто. Часть внесу на следующей неделе, остальные – сразу после снятия запрета. Налоговый вычет, разумеется, будет мой. Не маленький мальчик, чтобы раздавать государству подачки, – он коротко хохотнул и похлопал сына по плечу. – Это бизнес, Павел. Разумная экономия. Так поступают все адекватные люди, – его рука чугуной плитой придавила плечо сына. – Ну, а ты осуществляешь ежемесячные переводы. Реквизиты тебе позже пришлют. Не думаю, что она станет вникать в эти тонкости, так что разницы заметить не должна. Регистрацию оформят на днях. Документы по дому будут лежать в моей ячейке, тут – никаких бумаг. Комар носа не подточит. Она не должна заподозрить, что ее статус здесь... фиктивный. И да, сразу подключи автоплатежи за все. Чтобы нигде не всплыли долги на мое имя.

– Понятно. А если она случайно докопается до правды? – спросил Павел, снова ощущая во рту горький привкус обмана.

– Тогда импровизируй, – он снова хлопнул его по плечу с коротким смешком. – Скажи, что решил погасить ипотеку досрочно, воспользовался моей помощью. Раз оплата шла безналом, пришлось переоформить. А теперь просто откладываешь эти деньги на подарок ей. Или на ребёнка. Или на его учебу. Смотря когда это всплывёт.

Аркадий Филиппович замолчал, его лицо стало серьезным. Он остановился, заставив сына сделать то же самое.

– Сын, ... я делаю это только потому, что беспокоюсь о тебе. Берегу. Ты же... мягкий. Без меня ты в этом мире пропадешь. Ты мыслишь чувствами, а здесь – чистая экономика. Этот дом – якорь. Точка опоры. И я не могу позволить, чтобы этот якорь был привязан к чему-то зыбкому. Эта девочка... – он пренебрежительно махнул рукой в сторону беседки, – у нее в голове одни блоги и котятки. А жизнь – штука серьезная. Особенно когда речь идет о таких активах. В случае чего... ну, понимаешь, всякое бывает... этот дом останется в семье. Не придется делить, судиться, терять время и деньги. Я не забираю твой дом, Павел. Я гарантирую, что он навсегда останется твоим.

Павел молча кивнул. В его глазах читались покорность и усталое понимание. Логика отца, как всегда не оставляла пространства для спора.

– К тому же... – Аркадий понизил голос, хотя вокруг никого не было. – У этой строительной компании... своеобразная репутация. Не плохая. Скорее... непрозрачная. У них свои

методы. Мне удалось выбить условия, о которых другие только мечтают. Но за такое всегда приходится платить. – Он многозначительно посмотрел на сына. – Иногда плата – это закрыть глаза на некоторые нюансы в документах. Ты бы не выдержал такого давления. А мне... проще. Связи. Один мой... партнер... давно с ними работает. Он и предупредил: лучше не светить свои данные без нужды. Мало ли какие у них там налоговые схемы с налогами. Лучше перебедеть.

Павел нахмурился:

– То есть у них проблемы?

– Проблемы? – мгновенно парировал отец. – У таких компаний не бывает «проблем». Бывают «операционные издержки» и «временные сложности». Это... специфика рынка. Ты же знаешь, как все устроено. Где-то подмахнул, где-то недоглядел... А я буду буфером. Все претензии – ко мне. Все риски – на мне. Я несу этот груз, чтобы ты мог дышать свободно. Разве это не отеческая любовь? Я тебя берегу. Даже от себя самого.

В его словах сквозила забота, но сквозь нее проступало что-то иное – тревожное, скрытое. Намек на свою, отцовскую игру, правила которой Павел был не в состоянии понять.

– Ладно, не забивай голову, – резко завершил тему Аркадий Филиппович. – Дом твой, живи и радуйся. Остальное – моя головная боль. И, кстати, пока не забыл... Позаботься о моей репутации перед твоей женой. Регулярно, желательнее показательно, вноси меня в список допуска гостей на территорию. Пусть видит. Я, конечно, не собираюсь тут без тебя появляться. Но в дни визитов притворяйся, что открываешь разрешение. Чтобы она не догадывалась о моем свободном посещении.

– Это понятно, – Павел с горьким сарказмом осознал, что снова впустил отца в свою жизнь с его правилами. – Пап, можно тоже просьбу? Хотя бы сегодня не доставай Милу.

– Ладно, сегодня не буду.

Они вышли на улицу и почти столкнулись с Алексеем – он поднимался по ступенькам.

– Отец, как шашлык? Алексей Иванович давно практикуется, – Павел пытался угодить обоим.

Аркадий бросил на него короткий взгляд:

– Мясо могло быть и более промаринованным. Но для любителя – сойдет.

И снизив голос, наклонился к уху сына:

– Как ты мог доверить прием гостей какому-то мужику с углями? Где твой повар? Где кейтеринг? Или это тоже часть твоего «бренда»? – он кивнул в сторону Милы.

За столом внезапно стало тихо.

– Я бы хотел сказать тост! – Алексей Иванович, разгоряченный алкоголем и всеобщим, как ему казалось, весельем, поднялся с полным стаканом коньяка. – Дорогие мои! Дети! – его голос громыхнул, нарушая всеобщее чопорное молчание. – Поднимаю за вас! Чтоб жили здесь счастливо, чтоб дом наполнился детским смехом! За тебя, Павел, настоящего хозяина! И за тебя, дочка, наша звезда! Чтоб все у вас было, а чего нет – не надобно!

Все чокнулись. Аркадий Филиппович с каменным лицом сделал незаметный глоток.

– За «настоящего хозяина», – тихо, но четко повторил он. Его взгляд впился в Павла. – Надеюсь, ты оправдаешь это звание. Я верю в тебя, как ни в кого другого. Дома, даже самые умные, иногда выходят из-под контроля. Как и люди. – Он сделал микроскопическую паузу, позволив словам повиснуть в воздухе. В беседке воцарилась абсолютная тишина, было слышно лишь, как на мангале шипит жир. – Но хочу, чтобы у моего сына и его семьи были идеальные условия для счастья. Чтобы любой хаос, угрожающий их благополучию был устранен.

Павел кивнул, ощущая во рту привычную горечь – смесь стыда и бессилия. Это была не просто насмешка. Это был намек. Прозрачный как стекло, и такой же острый. Отец все знал. О его панических атаках. О таблетках. И этот тост был не поздравлением. Он снова оказывался

в ловушке: принять унижительную «помощь» отца или потерять всё. Сказать «нет» значило обрушить хрупкий мир, который они с Милой только что построили, и признаться ей в своей финансовой несостоятельности. Выбора не было – только роль, которую ему в очередной раз отвел отец.

«Конечно, папа. Бери и этот дом. Как взял мой бизнес, мою уверенность, всю мою жизнь. Оформи на себя – спаси меня от меня же. А я буду изображать хозяина в клетке, которую ты мне подарил».

Он поймал на себе взгляд Милы и увидел в нем не сочувствие – скорее, любопытство.

«А что она подумает, если узнает? Что я за мужчина, который даже дом на себя оформить не может?»

Покорность была лишь оболочкой; внутри клокотала унижительная, детская ярость, которую он давно разучился выпускать наружу. Павел поднял стакан. Рука предательски дрогнула, расплескав по пальцам дорогое вино. И тут же он поймал взгляд отца. Прямо как в детстве.

Лицо Милы на мгновение окаменело, но она смогла выдавить улыбку.

– Пап, Аркадий Филиппович, спасибо за тосты! Это так... мило с вашей стороны. А знаете, что этот дом умеет? Он может показывать звезды прямо на потолке! Давайте включим?

– Нет, – сухо прервал ее Аркадий Филиппович, поднимаясь из-за стола и отодвигая нетронутую тарелку с шашлыком, будто она была покрыта плесенью. – Мы уезжаем.

– Пап! Мам! Вы что, не останетесь? – Павел с недоумением посмотрел на родителей. – Завтра же воскресенье. Никому никуда не нужно.

– Нет, сын, – категорично отрезал отец, поправляя перед зеркалом свитер. – Дом нельзя оставлять без присмотра. Он всегда должен быть под контролем. Со временем сам поймешь.

Павел посмотрел на мать в надежде, что хотя бы она уступит. Но она молчала, опустив глаза. Словно прятала за пеленой грусти невысказанное. И покорно следовала воле мужа.

– Мам... – с надеждой произнес Павел.

Но та лишь молча пожала плечами и развела руками. Эта была ее привычная, отточенная годами поза – стать тенью, когда муж принимает решение. Она давно усвоила: любое ее слово, даже в поддержку сына, будет расценено как мятеж. Она взглянула на Павла бессильной жалостью – мол, ничего не поделаешь.

– Машина уже приехала? – Павел тщетно пытался ухватиться за соломинку.

– Да, водитель уже полчаса ждет, – подала голос мама.

Через несколько минут они стояли около беседки, где недавно звенел смех. В воздухе все еще витал аромат жареного мяса, но уже не радовал.

– Ну, до следующей встречи, – сдержанно протянул руку Аркадий Филиппович родителям Милы.

– Сват, ты прям как не родной! – отец Милы, пьяно улыбаясь, ответил на рукопожатие и одновременно попытался заключить Аркадия в объятия. – Вы куда собрались-то? Веселье только начинается...

– Не-не-не, – сумел вырваться тот, – возраст. Да и неделя была тяжелой – хочется выспаться в своей постели.

Любовь Петровна не успела увернуться и оказалась в крепких объятиях Алексея. Она неловко попыталась отстраниться, но тот успел смачно поцеловать ее в щеку.

– Ой, Алексей Иванович, вы прямо как молодой! – смущенно засмеялась она, вытирая лицо салфеткой.

Машина быстро скрылась в темноте. Воцарилась тишину, которую нарушал только треск углей в мангале.

– Странные они все-таки, – выдохнули родители Милы.

– У детей такой праздник, а они... – Алексей Иванович, качая головой, допил остатки коньяка.

- Пап, хватит, – легонько толкнула отца Мила, пытаясь остановить поток ненужных слов.
 - Ну, а что? – мать решительно встала на сторону мужа.
 - Мам, и ты тоже?! – настроение падало. – Паш, ты куда?
 - Прилягу не надолго, что-то объелся, – бросил он через плечо. – Скоро вернусь.
- Мила догнала и остановила мужа. Она почувствовала его напряжение.
- Ничего, родной, – прошептала она ему на ухо. – Это же наш дом. И нам тут хорошо.

Но Павел не ответил. Он еще раз посмотрел на закрытые ворота, за которыми скрылся Mercedes его отца. Он снова почувствовал себя мальчишкой, который пытался угодить, но не смог. Идеальный вечер, на который так рассчитывала Мила, был безнадежно испорчен. И хуже всего было то, что он, Павел, не смог ничего изменить. Он не был хозяином. Он был лишь временным управляющим в доме, который на самом деле принадлежал его отцу.

15 мая

– Пааш, ну давай еще дубль! – Мила звонко шлепнула по воде, рассыпая бриллиантовые брызги. Ее мокрые пальцы скользнули по мраморному бортику к нему, оставляя влажные следы. Вода стекала по загорелым плечам и играла бликами в каплях.

Павел вздохнул.

– Может хватит? Два раза уже снял. Вроде нормально получилось.

– Давай еще один, контрольный – и все! А я тебе вечером массаж сделаю, а?

Павел закатил глаза, но уголки губ дрогнули. Он знал, что не устоит перед таким предложением.

– Ой, опять ты с козырей пошла, – он улыбнулся, поднимая телефон. – Ладно, уговорила. Но только один.

Он присел на корточки рядом с бассейном, наклонился вперед, поймал ракурс и махнул ей рукой:

– Давай, плыви уже.

Мила оттолкнулась от бортика, проплыла несколько метров и в шлейфе брызг развернулась к нему лицом:

– Готов?

Павел встал в позу режиссера, зажмурился, запрокинул голову назад и крикнул невидимой съемочной группе:

– Камера! – затем зажал нос пальцами, чтобы сделать голос писклявым. – Мотор!

Мила едва сдержала смех. Сделав глубокий вдох, нырнула и рванула вперед, рассекая воду уверенными движениями. Она вынырнула у самого бортика, как русалка из морских глубин. Приподнялась из воды, гордо и бесстыдно выставив грудь в изумрудном купальнике, который отлично подчеркивал ее точеную фигуру:

– Привет, мои пушистики! – начала она, чувствуя, как камера фиксирует каждое ее движение. – У меня для вас невероятная новость. Как вы знаете, мы уже две недели обустроиваем наше гнёздышко. И я получаю кучу вопросов об этом месте. Впереди туса по поводу новоселья. И один из вас тут проведет целый уик-энд! Увидит все своими глазами, потрогает все руками, почувствует нашу атмосферу. Заманчиво, правда? Тогда скорее переходи в мой профиль и читай условия. Я жду именно тебя.

Сложив пальцы пистолетиком и прищулив глаз, она сделала воображаемый выстрел в камеру и погрузилась под воду, исчезнув из кадра. На поверхности остались лишь расходящиеся круги.

– Ну, как? – спустя несколько секунд она вынырнула и ухватилась за бортик, глядя на Павла с любопытством.

– Прекрасно, как и первые два дубля. Зачем их повторять уже не важно, ведь вечером меня ждет массаж. А сейчас пойду покручу педали, – он протянул ей полотенце, развернулся и направился к тренажёрам.

– Далеко только не уезжай, скоро завтрак, – бросила она ему вслед. Отложила полотенце, оттолкнулась от бортика и поплыла на спине, грациозно скользя по воде. Лицо ее мгновенно стало пустым и усталым.

Поздней ночью Павел ворочался в кровати, не в силах заснуть. Воздух в спальне был безупречным. Тишина – абсолютной, давящей. От нее начинало звенеть в ушах. Сквозь этот звон ему почудился другой звук – низкий, едва уловимый гул, будто где-то глубоко под полом работает трансформатор. Он замер, прислушался. Ничего. Только ровное дыхание Милы рядом. «Показалось, – решил он. – Отвык от тишины после городского шума». Но сон не шел. В голове назойливо крутились мысли о дедлайне по проекту. Он сполз с кровати и босиком прошел на кухню за стаканом воды. Или виски. Еще не решил.

20 мая

Утром Павел просматривал записи на компьютере. В углу экрана мелькнуло системное сообщение: «Протокол „Семейная идилия v.2.1“: анализ завершен. Уровень угрозы стабильности: ВЫСОКИЙ. Рекомендовано: наблюдение».

– Что за бред? – смахнул он его как назойливую рекламу. – Потом разберусь.

25 мая

Небо пронзали яркие лучи стробоскопа, пульсируя в такт дабстепу. На заднем дворе диджей в наушниках стоял за пультом, за спиной ухали колонки, заполняя пространство вокруг гулкими басами. У беседки разбились на кучки человек десять-двенадцать. Музыка заглушала все, кроме стука собственного сердца. У мангала двое парней следили за шашлыком. Из беседки доносились голоса, свидетельствующие о том, что там тоже собрались гости.

Вечер выдался просто изумительным – синоптики не подвели. Все шло по плану. Легкий ветерок шелестел листвой за забором и навевал ощущение легкости и безмятежности.

Павел стоял с парой коллег, кивая на автомате. Но при этом неотрывно наблюдал за женой. Рядом с ней крутился незнакомый парень.

Мила представила его Валерой, тем самым подписчиком, который урвал Джекпот, выиграл счастливый «билет» на ее вечеринку. Стройный, с прилизанными волосами и небрежной щетиной. Новая, немного мешковатая рубашка с закатанными рукавами, обнажала стильные часы-хронограф. Он выглядел как пародия на «своего парня». Но улыбка смущенная и искренняя казалась фальшивой.

– Простите за вторжение, – он крепко пожал руку Павлу. – Ваша жена так вдохновенно рассказывала о доме, что не мог не участвовать. Я тоже работаю в IT, но на скучной стороне – серверы, инфраструктура.

Павел буркнул что-то невнятное, но Валера уже перевел взгляд на Милу, и в его глазах вспыхнуло неподдельное восхищение:

– Вы не представляете какое у вас чутье на технологии. Большинство блогеров снимают бесполезные мелочи, а вы разглядели настоящую жемчужину.

Павел поддержал их разговор:

– Ну, Валер, раз уж ты выиграл главный приз, рассказывай, чем занимаешься? – невозмутимо спросил он.

Валера сделал вид, что смущенно потупил взгляд и сделал глоток крафтового пива из стакана.

– Да ничего особенного. В «Сетевых решениях» работаю. – Он назвал имя известной, но посредственной фирмы. – AD, виртуализация, техподдержка... Скучнейшая работа, даже не стоит говорить. А у вас тут действительно потрясающе! – Валера, сделав еще один глоток, быстро перевел тему. – Такой уровень умных технологий я раньше только на презентациях у вендоров видел. Как человек, который днями напролет ковыряется в серверах, я поражен. Обычно «умный дом» – это набор костылей, которые вечно глючат. А здесь... чувствуется рука гения. Интересно, они для сенсоров движения использовали стандартный протокол или разработали что-то свое? Я как раз с подобной задачей на работе мучаюсь – вечные конфликты устройств.

Он искренне просил профессионального совета.

– У вас, Павел, не бывало такого, чтобы медиасервер грузил систему и климат-контроль сбрасывал настройки? Обычно это главная болезнь таких комплексных решений.

Вопрос прозвучал так естественно, что у Павла на секунду возникло желание обсудить технические детали, прежде чем в голову ударила мысль:

«Откуда он знает про медиасервер?».

Вечеринка неслась на гребне музыки и алкоголя. Павел иногда терял Валеру из виду, порой вновь замечал его. Он то помогал донести напитки, то увлеченно что-то объяснял гостям про «кастомную сборку системы и способность ИИ предугадывать желания»... Казалось, он повсюду. И всегда – в шаге от Милы.

В один момент Павел заметил, как Валера, отвернувшись, что-то быстро и тихо надиктовывает на телефон и прячет его в карман за долю секунды до приближения Милы. Жест был почти шпионским, и в нем не было ни тени той раскованности, которую он демонстрировал при всех.

Потом Павел потерял его из вида на какое-то время. Забыл. Пока не услышал: «Мила, а где у вас тот самый умный унитаз с подогревом? Шучу, шучу!» Громкий голос, наигранный смех. Внутри все похолодело. «Откуда он мог знать про унитаз? Про это даже намеков не было!»

То же самое, когда он объяснял одному из гостей дорогу: «Налево, потом первый поворот перед садом, дверь сама откроется». Хладнокровно. Точно. Как будто живет здесь год. А Павел в первые дни сам путался...

– Паша! Ау! – коллега дернул Павла за рукав и вернул к реальности. – Ты с нами?

– А? Да, – рассеянно ответил он и повернулся к собеседнику, понимая, что полностью выпал из разговора.

– Ты где летаешь-то? – коллега с легкой усмешкой разглядывал его.

– Да проект не выходит из головы, – соврал Павел в попытках собраться.

– Расслабься хоть сегодня! Мы обязательно его осилим. Выпьем за это! – коллега поднял бокал, и Павел машинально к нему присоединился, хотя продолжал думать совсем о другом.

И тут до него донесся громкий голос Валеры:

– Дом, включи погромче музыку!

Вокруг ничего не изменилось. Но Валеру это, кажется, несколько не смутило.

– Видимо, я еще не в списке доверенных лиц.

Прозвучало это не как шутка, а как двусмысленное и натянутое заявление.

Музыка резко оборвалась. В тишине несколько человек по инерции достаточно громко продолжили разговор, вызвав смех окружающих.

– Минуточку внимания! – у пульта диджея стоял человек с микрофоном. – Наконец-то прибыл мой подарок, и я прошу выйти всех за ворота! Первыми – виновников торжества!

Гости, толкаясь и шумно переговариваясь, устремились наружу. На стоянке у ворот призывно сверкал в лучах заката огромный прозрачный зорб.

– Что подарить молодым, у которых слишком умный дом? Что-нибудь тупое! Тогда они будут оставаться с нами на равных! – захохотал гость. – С новосельем, друзья!

Толпа взорвалась восторженными криками, окружила шар, трогая руками. Со всех сторон неслись возгласы, предлагались кандидатуры для первого забега.

Павел осмотрел подарок без восторга, с чувством нарастающего раздражения и беспокойства. Он тут же отказался от затеи прокатиться в нем по дороге, несмотря на настойчивые уговоры Милы сделать это вместе.

26 мая

Утро принесло лишь обрывки воспоминаний. Алкоголь и ревность – все сплелось в один спутанный клубок. Память выхватывала отдельные сцены, как вырезанные кадры из фильма.

Он помнил, как уже заходил во двор, когда громкие улюлюканья заставили его вернуться к толпе.

Друзья раскачивали прозрачный шар, внутри которого сидели Мила и Валера. Из-за тесноты их плечи плотно прижимались друг к другу. Валера не обнимал ее, он обеими руками держался за крепления, но его лицо склонилось к ее уху. Он что-то говорил, а Мила смеялась, запрокинув голову. Это походило на вульгарный флирт. Скорее напоминало момент искренней, почти интимной близости двух людей в нелепой ситуации. От этого Павлу стало еще больнее. Он видел, как Валера произнес что-то, и в глазах Милы мелькнул не просто смех – интерес. Интеллектуальный, профессиональный – неважно. На самого Павла она давно так не смотрела.

Следующий четкий кадр: его держат за руки двое коллег.

– Паш, ты чего? Очухайся! Все нормально!

Он вырвался, налил полный стакан виски и опрокинул его залпом. Мир поплыл окончательно... Провал.

Позже Павел спустился в подвал, привлеченный светом, и застал Валеру у двери в техническое помещение. Тот будто что-то внимательно изучал.

– Туалет ищешь? – резко спросил Павел.

Валера вздрогнул и обернулся с той самой натянутой улыбкой.

– Нет, прости! Просто архитектура любопытная. Интересно... – он сделал шаг назад. – Кстати, туалет вот там, верно? Спасибо!

И он направился в нужную сторону, демонстрируя, что ориентируется в доме не хуже. Павел непонимающим взглядом проводил его. Темнота.

Павел стоит на улице напротив Валеры, ноги подкачиваются и он опирается о стену... Его трясет не только от ярости, но и от ощущения полной потери контроля.

– Убирайся из моего дома! – просипел он. – Я вижу тебя насквозь.

Валера не перестал улыбаться, но выражение его лица стало холодным и формальным, как у врача, который сообщает неприятный диагноз. Он отступил на шаг, демонстрируя отсутствие агрессии.

– Павел, я понимаю, хозяин, нервничаешь. Много гостей. Я всего лишь выиграл приз. Не превращай вечер в драму. Кстати, о нервах... Мне кажется, что ребята из «Квантума» твой проект «Кайрос» даже на доработку не возьмут. Слишком сыро. Архитектура данных – дыра на дыре. Но тебе-то хорошо, ты ведь играл не своими деньгами, верно?

Слова привели Павла в бешенство. «Кайрос» – кодовое название его провального проекта, который они все-таки реанимировали. «Квантум» – вовсе не «Сетевые решения», а один из лидеров рынка, их прямой конкурент в том самом тендере!

Осознание накрыло с пугающей ясностью: этот человек – не скромный IT-шник. Он из «Квантума». Он пришел сюда не ради Милы, а ради него. Чтобы посмотреть на того неудачника, кто похоронил их общий контракт, и, возможно, разузнать о системе безопасности этого проклятого дома. ... Сейчас Павел был готов крушить все.

– Что???

– Я говорю – расслабься. Это же вечеринка.

Но Павел оказался бессилён. Он мог только тихо кричать и сжимать кулаки. Любая сцена, любой публичный скандал мог разрушить и без того хрупкий пиар-образ «идеальной пары». А значит, похоронить их сделку, тот самый спасительный договор, который был единственным щитом между ним и финансовой пропастью. Эта мысль бесила сильнее любой ревности. Он был загнан в угол: защитить свое достоинство или сохранить крышу над головой и не опозориться перед отцом. Он выбрал второе. Как всегда.

Он пытался объяснить Валере свои претензии, но язык заплетался. Он обещал Миле, что не поднимет на него руку, иначе бы она не ушла. Валера делал вид, что ничего не понимает, нарочно изображая из себя недотепу. Кулаки сжались. В глазах потемнело. Напряжение достигло предела. Нет, он не стерпит такого к себе отношения. Тем более на своей территории. Драка казалась неизбежной. Раздался скрип тормозов, глухой удар... Павел лежал на земле, вся правая сторона тела горела адской болью. Валера успел ударить первым? Закрыть глаза и не подниматься – вот единственное желание. Как же унижительно!

Раздался хохот. Его подняли на ноги, отряхнули. Какие-то незнакомые люди. Сквозь шум он с трудом разобрал, что в очередного зорбиста врезался автомобиль, и шар перелетел через забор. Выбив страйк – попал в Павла и Валеру. Все живы. Всем смешно. Каждый спешит рассказать историю со своей точки зрения. Даже трое парней из автомобиля присоединились к всеобщему веселью. Павел не знал, смеяться ему или продолжать злиться. Напряжение спало, и он чувствовал приятную пустоту внутри. Мозг отключился, избавив его от трудного выбора.

Мила одна в ванной. Яркий макияж размазан слезами. Она смотрит в зеркало не на себя-блогера, а на свое отражение. На ее лице пустота и страх. Затем она глубоко вздохнула, взяла телефон и сделала селфи с надписью: «Иногда за сияющей улыбкой скрывается грусть... Кто понимает?»

2 июня

Вечером Павел поймал жену на кухне, когда она разливала только что доставленные смузи в красивые бокалы – для сторис.

– Зай, можно поговорить?

– Минутку, солнышко, только свет поймаю... – она покрутилась перед камерой, затем отложила телефона. – Что-то случилось?

– Мне кажется этот дом... странный. – Он тут же попытался смягчить фразу. – Не то чтобы странный. Но иногда... шумит что-то. Или щелкает. По ночам.

Мила смотрела на него с легким недоумением.

– Шумит? Или это у тебя в голове от перегруза из-за твоего проекта? – она ласково потрепала его по щеке. – Я ничего не слышала. Ты же сам говорил – куча систем, климат-контроль, вентиляция... Наверное они.

– Нет, не похоже. – Павел помялся. – Словно замки срабатывают сами по себе.

– Паш, тебе просто нужен отдых. Или сходи к врачу, проверь давление. Нельзя так заикливаться на работе. Посмотри вокруг – какая благодать! – она обвела рукой идеальную кухню. – Никаких щелчков нет. Это твоя фантазия.

Он понимал ее логику, но от этого становилось только хуже. Его страх, его паранойя разбирались о стену здравого смысла. Он кивнул и вышел, чувствуя себя глупо и одиноко. Вечером налил виски. Второй бокал. Не для расслабления, а чтобы заглушить навязчивый гул, который теперь не умолкал даже днем.

3 июня

– Алло! Ты дома? – жена ответила на звонок далеко не с первого гудка.

– Нет, – голос в трубке прозвучал сдавленно, было похоже, что звонок застал ее врасплох. – Мне сейчас неудобно, я перезвоню позже.

– Ты где? Что так пыхтишь? – Павел вскипел, забыв о цели своего звонка. – Ты с кем? Опять этот Валера?

– Что? Нет! – ее голос сорвался на повышенных тонах. – Я же сказала, я в зале сегодня. На беговой дорожке. Зай, тише. Перезвоню. Пока.

Связь оборвалась, оставив его в вакууме неопределенности. Он долго смотрел на потухший экран. «Врет, – прошипело внутри. – Она всегда так дышит, когда с ним разговаривает».

5 июня

В полной тишине дома он впервые услышал это совершенно отчетливо. Не гул и не щелчок. Тихий, шипящий шепот, вплетенный в гудение вентиляции. Не случайный шум – ритмичный, навязчивый, похожий на зацикленный фрагмент речи. Невозможно было разобрать слов, но он царапал сознание, скребся по нервам изнутри.

Павел вскочил с кресла, зажав уши ладонями. «Хватит!» – кричало что-то внутри. Шепот стих. Но застучало его собственное сердце, отчаянно и громко, как птица, бьющаяся о металл клетки.

«Со мной все в порядке. Со мной все в порядке!» – твердил он. Но единственным спасением от накатывающей паники, от сжимающихся стен, виделся лишь матовый бок хрустального бокала на полке бара.

Он налил виски. Рука дрожала, и несколько капель упало на полированную столешницу. Они растеклись темным, клейким пятном. Следы. Ты всегда оставляешь следы. Первый глоток обжег горло, но не принес облегчения – лишь подлил масла в огонь тревоги. Алкогольный туман, обычно такой надежный, сегодня был слаб и не мог пробиться сквозь ледяной ужас.

Взгляд упал на рюкзак. Решение созрело мгновенно, пульсируя в висках единственной ясной мыслью: «Нужен щит. Прямо сейчас».

Машина пахла чужим табаком и остывшим пластиком. Приятель, мрачный и молчаливый, передал маленький белый пакет. Взамен – пачка купюр, отпечатавшаяся на ладони ощущением грязи и окончательности. Никаких слов. Только кивок. Спасибо и прощай.

При тусклом свете уличного фонаря Павел развернул пакет. Внутри лежало три блистера. Алпразолам. Тот самый. Демоны старой войны, аккуратно упакованные в пластик и фольгу.

Он вернулся в дом – свой идеальный, технологичный кошмар. Босиком прошел по холодному кафелю на кухню. Не стал искать воду. Прижал горькую таблетку к языку и дал ей растаять. Этот химический вкус был вкусом капитуляции. Вкусом поражения. Не отцу, не жене – самому себе. Собственному мозгу, который отвергал логику и цеплялся за призрачные звуки.

Павел прислонился к холодильнику, который беззвучно жил своей безупречной жизнью, и ждал. Ждал чуда.

И оно пришло. Сначала исчезла дрожь в пальцах. Потом тяжелый камень тревоги в груди начал таять, превращаться в легкую вату. Мурашки на коже улеглись. Но главное – пропал

голос. Тот вечный, осуждающий внутренний монолог, голос отца, который звучал в голове бесконечным фоном. Стало неестественно тихо.

Он глубоко вздохнул – первый спокойный вдох за несколько недель. Вдох без дрожи в диафрагме. Это было блаженство. Это было предательство самого себя, купленное за деньги в подворотне. Он чувствовал себя чистым, пустым и ужасно одиноким в этой химической нирване. Блаженным пустотелым сосудом.

Но вечером, когда еще таблетка не отпустила, он лежал в кровати и слышал это снова. Не голос. Тот самый металлический щелчок в стене. Тихий, четкий, неумолимый. Химия заглушила отца, но не смогла заглушить Дом. Транквилизатор притупил страх, но не устранил его источник.

– Паш, а это что? – Мила с любопытством вертела в руках белый блистер.

У Павла перехватило дыхание. Холод страха пробежал по спине. Аптечка в рюкзаке. Идиот. Совсем забыл. Мозг лихорадочно искал оправдание.

– Это... алпразолам, – выпалил он, понимая, что ложь про «таблетки от головы» не пройдет. – Врач когда-то выписывал. От панических атак. Нашел, решил выбросить. Он взял упаковку из ее рук, стараясь скрыть дрожь в пальцах. Стыд жег сильнее страха. Стыд за слабость, которую так яростно скрывал. Он ждал потока вопросов, жалости или – хуже всего – испуга в ее глазах.

– Понятно, – Мила отвела взгляд, и ее внезапная сдержанность ранила больше истерики.

Она все поняла. Поняла, что он снова лжет. И что он сломлен. Он чувствовал себя не хозяином в доме, а пойманным на вранье мальчишкой. Сунул блистер в карман. И снова остался один на один со страхом. Он оказался в западне самого дорогого и технологичного кошмара на свете. Единственным ключом был рецептурный препарат в кармане, но этот ключ уже не открывал замок, а запирали его все крепче.

18 июня

Павел вышел на улицу и с наслаждением потянулся. В руках он держал стакан свежевыжатого морковного сока. Работа в итоге не только обещала принести неплохой финансовый результат, но и, чего греха таить, будоражила воображение. Проект был очень интересным, он стал для команды настоящим вызовом: «А вам слабо?». И они с ребятами этот вызов приняли. Шесть месяцев напряжённой работы, подходили к концу. Эта работа забрала у него все деньги и состояла из сплошной череды провалов, тупиков и обманчивых проблесков успеха. Теперь же смело можно было назвать это финишной прямой. Срок сдачи, а значит, и получение окончательной оплаты, назначили на первое июля. Оставалось сделать совсем немного. Вероятно, он закончит свою часть в ближайшие дни. Тогда он сможет уйти в отпуск на неделю, а встретиться с командой прямо накануне сдачи. Несомненно, они устроят маленькую корпоративную вечеринку в каком-нибудь закрытом яхт-клубе. А потом его ждет минимум месяц безмятежного отдыха на краю света, у моря-океана. Там из людей – только вышколенный обслуживающий персонал, и там можно отключить телефон...

Он выиграл войну с бессонницей. Ее подарили Павлу новый дом и дамочков меч дедлайна. Почти выиграл. Этой ночью его снова разбудил звук. Не гул – короткий, металлический щелчок. Он донесся, как ему показалось, из стены за изголовьем. Точно такой же, какой издает замок входной двери, но приглушенный. Он резко сел и затаил дыхание. Ничего. Только тиканье часов на прикроватной тумбочке и мерный ритм дыхания Милы. Павел даже подошел к стене, приложил к ней ладонь – холодная, гладкая, безжизненная.

«Стресс, – убеждал себя он, возвращаясь в постель. – Просто стресс. Надо выключить мозг».

И пролежал до утра, вглядываясь в идеально ровный потолок.

Павел мечтательно закрыл глаза, подставил лицо теплым лучам солнца и подтягивал сок. Но совсем отгородится от мира не выйдет – Мила никак не может победить свою интернет-зависимость. Хотя, если ей предложить сафари или путешествие по непроходимым джунглям...

Полет его фантазии остановил шорох открывающихся ворот. Он застыл. Горячий бетон жег босые ступни. Внезапно выступил пот, и, поднесенный ко рту стакан, вдруг стал липким. В немом изумлении Павел смотрел, как его жена выходит из незнакомой машины и машет водителю рукой. Тот резко дает по газам. Явно испугался, что его заметят. Солнце, еще недавно ласковое и лучезарное, теперь больно резало глаза. Оно насмеялось над его минутной слабостью – над тем, что он позволил себе расслабиться, поверить, что все идет хорошо.

– Привет! – Мила легко чмокнула его в щеку и легким движением уклонилась от его попытки схватить за ее руку. – Ты чего тут? Меня встречаешь?

От нее пахло чужим автомобильным кондиционером и едва уловимыми нотками мужского парфюма – не того, что она дарила ему на прошлый Новый год.

– Это кто был? – голос Павла сорвался на крик, будто кто-то сжал ему горло.

– Это? – Мила никак не отреагировала на повышенный тон супруга и ответила спокойно. – Александр. Мы с ним сейчас вместе работаем и он еще меня тренирует. Я тебе рассказывала про него...

– Это Валера? Это он, да?! – выпалил Павел. Его мозг сразу выхватил самый пугающий образ.

Мила нахмурилась. На ее лице было искреннее недоумение.

– Какой Валера? Нет, Паш, это Саша. Александр. Ты о чем?

– Поэтому у тебя отключен телефон! – Павел совсем не слушал жену.

– У меня? – она полезла в сумку и достала свой телефон, ткнув на сенсор пальцем. – Нет, у меня все включено.

– Я тебе пять раз звонил!

– Наверное со связью что-то не так, – она пожала плечами. – Зай, хватит кричать. У меня тут новость одна...

– Если я что-то узнаю, я тебя убью! – он все-таки схватил ее за запястье. Кожа под его пальцами была прохладной и не дрожала – она не боялась.

– Тише, Мавр, – Мила высвободила руку и потянулась поправить его воротник, которого не было. Ее пальцы на мгновение коснулись его груди, и это прикосновение обожгло сильнее солнца. – Я же твоя. И при чем тут этот дурачок Валера? Ты с ним покончил на той вечеринке, а я с ним даже не переписываюсь.

– Почему ты едешь с ним на машине? – он не унимался. – Где вы были? Почему он сбежал, как вор?!

– Потому что ты стоишь тут, как маньяк, полуголый и с дикими глазами, – она наконец посмотрела ему в глаза, и в ее взгляде мелькнуло что-то чужое – усталое, почти равнодушное. – Паш, я попала в аварию. Саша меня подвез. Я как раз хотела тебе рассказать. Машину вот уже привезли... Я вызвала эвакуатор.

За воротами послышался шум подъезжающего грузовика. Павел взглянул на ворота, потом снова на Милу. Он чувствовал, как тревога сжимает ему сердце. Он разрывался между подозрением и отчаянным желанием верить жене. В этот момент он заметил, как на ее лице промелькнула тень беспокойства – она тоже, кажется, поняла неловкость ситуации. Но это длилось мгновение. Вот она уже идет навстречу водителю, чтобы принять машину, оставив Павла наедине со своими мыслями. Он сжал стакан так сильно, что побелели костяшки пальцев. Где-то внутри тихо щелкнул замок. Не в воротах – в нем самом

Дом окутали сумерки. Мила уже давно спала, но Павел ворочался, не в силах сомкнуть глаз. Подозрение и злость съедали его изнутри.

«Что, если я прав? Не может быть столько совпадений! Наверняка это был Валера. Значит он приезжал сюда и не раз. Есть только один способ это проверить».

Он не стал одеваться и сразу устремился в кабинет.

«Если машина приезжала сюда раньше, я обязательно это увижу».

«Алкаш и параноик». Именно так он себя чувствовал, пока листал архив записей с наружных камер. Он искал хоть что-то, что подтвердило бы его правоту, его ревность, что оправдало бы этот комок ярости, который сжимал ему горло. Но не находил ничего.

И вдруг он увидел. Не Александра. Себя.

Запись была с камеры у заднего входа в дом. Ее сделали позавчера вечером. В то время, когда он, по своим четким воспоминаниям, возвращался из города.

На экране... двигался он. Та же домашняя одежда, тот же рост, тот же силуэт. Но что-то было не так. Человек прошел от двери к гаражу и скрылся за углом. Кадр получился немного замыленным, как будто сквозь легкую дымку или помехи.

Павел замер, пальцы оцепенели на клавиатуре. Он перемотал запись ещё раз. Включил замедленное воспроизведение. Сердце колотилось где-то в горле, отдавалось глухим стуком в ушах. Это не я. Мысль была холодной и кристально четкой, похожей на удар стеклом по нервам. Походка у этого двойника была чуть шире, плечи развёрнуты иначе, с непривычной уверенностью. Павел сутулился, вжимался в себя, будто стараясь стать меньше. А это... это кто-то, кто пытался быть им, но не знал его привычек, его вечного внутреннего напряжения. Он увеличил изображение, вглядывался в размытые пиксели лица до рези в глазах, и кровь застыла у него в жилах. Он не увидел того, что должен был увидеть. То, что отняло у него дар речи и заставило похолодеть кончики пальцев. Бетон двора был освещен закатным солнцем с четко лежащими тенями от забора и деревьев. Но под ногами у этой фигуры не было ничего. Только идеально гладкая, пустая поверхность. Никакой тени. Рациональная часть мозга, которую залили виски и алпрозолам, пыталась цепляться за спасительные версии: глюк кодака, артефакт сжатия, блик с другой камеры. Но более древний, животный инстинкт вопил о другом, вымораживал душу ледяным ужасом: «ЭТО НЕ Я!».

Он резко оттолкнулся от стола, и кресло с глухим стуком отъехало назад. В кабинете вдруг стало еще тише, чем обычно. Будто сам Дом затаил дыхание и наблюдал за его реакцией. Он обвёл взглядом комнату – эти идеальные стены, этот бесшумный компьютер, эту совершенную систему, которая всё видела. Или... которая показывала ему только то, что хотела. «Я схожу с ума?» – этот вопрос был страшнее всего. Но следом пришла другая мысль, ещё чудовищнее: «А может, это кто-то другой уже здесь? И Дом помогает ему?» Павел откинулся на спинку кресла. Он не мог понять, где кончается реальность и начинается большая фантазия или чей-то чудовищный эксперимент.

Зловещее безмолвие давило на барабанные перепонки. Павел отшатнулся от монитора, задев стакан. Дрожащей рукой он поднес ко рту виски, но спирт не мог заглушить этот ужас.

– Галлюцинации... – прошептал он, и в этом слове был приговор. – Уже даже на записях. Значит, это точно я. Я схожу с ума.

Рациональные доводы рассыпались в прах. Он не посмеет сказать об этом Миле. Осталась одна, единственно возможная правда: его разум предаёт его. Он сунул руку в карман, и пальцы нащупали холодный, успокаивающий пластик блистера. Это был не побег. Это было лечение. Единственное, что могло остановить этот кошмар внутри его черепа. Он не глядя выдавил на ладонь две таблетки и судорожно проглотил их. Запил остатками виски.

Сейчас он ждал не чуда. Он жаждал химического капкана, чтобы тот захлопнулся в его мозгу и наконец задавил эту паразитическую реальность. Глоток виски смыл горький привкус таблеток. Он откинулся на спинку кресла и стал ждать, когда яд спокойствия разольется

по венам. Тишина в кабинете снова зазвенела, но на этот раз она ждала вместе с ним. Стены его совершенного, умного дома медленно смыкались вокруг. Он уже не понимал, что сжималось быстрее – стены его сознания или эти безупречные, технологичные перегородки.

Он был не зрителем. Он стал главным действующим лицом собственного безумия. Вот только в чьей пьесе – своей или чьей-то еще, куда более чудовищной – он играл, понять уже не мог. Оставалось лишь ждать следующего акта.

Часть II. Удобная версия

23 июня

К дому плавно подкатил патрульный автомобиль. Из машины с пассажирской стороны с трудом выбрался грузный сержант, охнул, поправил впившийся в бок автомат и направился к воротам. Несколько секунд он водил ладонью по гладкой поверхности ограждения в поисках кнопки звонка. Потом прищурился, пытаясь сквозь узкие щели хоть что-то разглядеть во дворе. Но так и ничего не увидев, принялся громко барабанить по металлу. В следующее мгновение он резко отпрянул назад и с матерной руганью шлепнулся на землю.

Его напарник тут же выскочил из машины и бросился к нему:

– Что случилось?

– Током ударило, чёрт!

– Сильно?

– Нет, но прям ощутимо... У меня аж сердце в пятки ушло.

– Ха-ха-ха, – расхохотался напарник. – Я уж испугался.

– Хватит ржать, – рявкнул первый, поднимаясь. – Тут проводка коротит. Я через эти ворота не полезу. Вызывай МЧС и сообщай дежурному.

Капитан полиции стиснул зубы до хруста в челюсти. Ледяная струйка пота медленно сползла по позвоночнику. Бессонная ночь, еще эта дурацкая заява, сорвавшая его отсыпной... Он уже видел себя дома, в ванной, с первым за прошедшие адские сутки стаканом в руке. Но эта картина таяла на глазах, как мираж в пустыне. А теперь этот долбаный дом и манекен в костюме. Внутри все закипало от злости.

– Я вам повторяю уже в который раз: дом функционирует в автономном режиме. Даже если отключить центральное электричество, ничего не изменится. Дом перейдет на генераторы, аккумуляторы и солнечные батареи. Он остановит работу второстепенных систем, – и этих ресурсов хватит ему еще на несколько суток. А может, и на неделю. Поэтому обесточить ворота сейчас не выйдет. Никак.

Перед ним стоял человек, которого компания оперативно прислала как «лицо-способное-решить-все-интересующие-правоохранительные-органы-вопросы».

Но вопросы не решались. Вообще. Причём заминка произошла на самом простом этапе – проникновении на территорию.

На месте выяснилось, что физическое воздействие на ворота не имеет смысла. По словам представителя, попытка вскрыть замок приведет к электрическому разряду. Вполне достаточного для летального исхода взломщика. То же самое ждет любого, кто попробует перелезть через забор.

И это лощеное и холодное лицо с идеальной стрижкой и часами дороже годового довольствия среднего офицерского состава, смотрело на капитана полиции свысока, вынуждая его задирать голову.

Сам он выглядел иначе. Немытые после суточного дежурства волосы застыли грязными сосульками и торчали в разные стороны. Лицо покрывала колючая трёхдневная щетина. Запах пота смешался с сигаретным дымом и намертво въелся в одежду. Он преследовал капитана вторые сутки.

И на все предложения был один и тот же ответ: НЕТ. НЕЛЬЗЯ.

Нельзя просто сломать ворота. Нельзя перелезть через забор. Нельзя отключить ворота. Нельзя отключить питание. Нельзя договориться с домом, чтобы он впустил «гостей». Нельзя просто взять и вырубить этот чертов дом.

Ничего нельзя, потому что это – Умный Дом. У него нет разрешения от владельцев впускать кого-либо. А владельцы не выходили на связь уже несколько дней. Их телефоны не просто не отвечали, они были выключены. Причем сотовый оператор последние звонки зафиксировал позавчера и именно с этой территории.

Капитан нервно теребил воротник форменной рубашки. За последние полчаса он выслушал уйму технических подробностей о системе безопасности. Но ни одного рабочего решения. В сердцах он снова набрал номер владельца, но телефон упорно молчал и оставался вне зоны доступа.

Каменное лицо представителя компании раздражало капитана все сильнее. Каждая фраза этого человека лишь подливала масла в огонь.

Он не знал, куда деть взгляд: ППС-ники стояли сзади, возле машины. Они о чем-то приглушенно переговаривались и смеялись, с любопытством посматривая на забор. До капитана донесся запах дешеревого табака. Слюнные железы сработали непроизвольно, и ему жутко захотелось сделать хотя бы одну затяжку – заглушить и физический дискомфорт, и ощущение собственного бессилия.

Но вместо этого он стоял здесь, задыхаясь от злости, перед этим дурацким домом и этим неприятным «лицом компании», которое явно не собиралось ему помогать. Провались они все пропадом.

– Вы понимаете, что там могут быть люди? – голос капитана стал жестким. Он ждал хоть какой-то реакции. – Может, им нужна помощь? Может, они без сознания?

– Система мониторинга не сообщает о чрезвычайных ситуациях, – безразлично ответило «лицо». – Если бы что-то случилось, здесь были бы не вы, а бригада скорой помощи.

В этот момент капитан поймал себя на мысли, что ненавидит этого типа. Ненавидит его чистые замшевые туфли, плащ, дорожка всего капитанского гардероба, тихое шелканье часов, отсчитывающих каждую секунду. Они неумолимо пожирали время, которое капитан терял. Ситуация в тупике. Еще мгновение – и он взорвется. Он физически ощущал на себе тяжесть этого холодного, неподвижного взгляда. Казалось, «лицо» наблюдает за всей суетой издали, из герметичного аквариума, а не стоит здесь, на палящем солнце.

Телефонный звонок прервал молчаливую дуэль. Капитан засунул руку в карман и, не глядя, поднес аппарат к уху:

– Алло! – бросил он в трубку резко отрывисто.

– Пап! – раздался в ответ испуганный голос дочери. – Мне срочно нужны деньги! Пожалуйста!

– Что? – капитан инстинктивно оторвал телефон от уха и посмотрел на экран: убедился, что звонит именно его дочь. И она действительно паниковала, а не капризничала.

– Пап, ну правда, очень нужны, – она говорила быстро и путано. – У меня... кризис идей. Нужно срочно купить новый курс, иначе мой аккаунт умрет! Понимаешь?

Полицейский зажмурился. Знакомое напряжение сжало его виски тугой медной проволокой.

«Еще один курс. Еще пять, десять, пятнадцать тысяч в помойку».

– Опять курс? Ты два месяца назад брала курс «Как стать увереннее в себе» за десять тысяч. И где результат? Где твоя уверенность? Или она тоже «умерла»?

– Нет, ты не понимаешь! – чуть не плакала дочь. – Тот курс устарел! Алгоритмы поменялись! Теперь нужен продвинутый уровень, там учат секретным белым методам продвижения! Иначе все мои труды насмарку! Я вложила в это полгода своей жизни!

Сергей устало ответил:

– То есть ты хочешь, чтобы я заплатил за лайки от ботов? Опять?

– Ну все так делают! Это не боты! Это... инвестиция в личный бренд! – в голосе послышалось отчаяние. – Я уже...

Он взглянул на представителя. Тот, не меняя позы, терпеливо ждал окончания этого спектакля. Капитан перебил дочь:

– Я дал бы тебе пятьсот рублей. На книгу. Но ты же ее не купишь.

– Что? Какую книгу? Это совсем не то, – фыркнула она. – Мне нужны подписчики.

Глубокий вдох. Выдох. Беседа становилась абсурдной.

– Слушай, я сейчас на работе. Давай потом.

– Нет, сейчас! – настаивала дочь. – Алина уже купила, у неё пять тысяч подписчиков, а у меня всего сто двадцать!

– Может, потому что она хоть что-то делает, а не только деньги просит?

Пауза. Обиженное пыхтение.

– Ты просто не веришь в меня! Все папы поддерживают своих детей, а ты...

– Все. Дома поговорим.

– Ну и ладно! – парировала дочь. – Я у бабушки попрошу!

– Попробуй – никуда не поедешь на эти выходные.

Молчание. Ребенок наконец понял, что перегнул палку:

– Ладно... пока...

– Пока, – офицер отключил телефон и прошипел в уже глухую трубку: – Где тут кнопка «отменить всё»?

– Ну что, продолжим? – Он вновь поднял глаза на оппонента.

От прежнего его равнодушия не осталось и следа. Теперь представитель компании смотрел с превосходством и насмешкой: «Ты с собственным ребенком не можешь разобраться, а куда-то еще лезешь...»

Капитан сдавленно простонал и поманил незнакомца указательным пальцем. Тот скривился, но подчинился и наклонился вперед. Страж порядка схватил его за мочку уха и резко притянул к себе. Шепот капитана прозвучал тихо, но четко.

– Я не спал двое суток. Ночью я мечтал доехать до дома и рухнуть на кровать. Утром я хотел вернуться домой, налить водки и утонуть в горячей ванне. Но теперь... Теперь у меня осталось одно желание. Рассказать какое?

«Лицо компании» замычало и беспомощно покрутило головой, пытаясь сказать нет.

– Протянуть руку... – от слов офицера в теплом летнем воздухе повеяло могильным холодом, – медленно взять тебя за яйца... и сжать. Не сильно – не дай бог лопнут. Но так, чтобы ты даже дёрнуться побоялся – вдруг они останутся у меня в руке. И при этом понял одну простую вещь: если ты еще раз произнесешь слово «нельзя», я перестану быть полицейским. Я стану твоей личной проблемой. Поэтому я тебя еще раз спрашиваю: КАК ПРОЙТИ ВНУТРЬ?

На последних словах он отпустил ухо, отступил назад и заговорил громко, как обычно. Угроза подействовала – спесь мгновенно испарилась с лица «представителя».

Еще утром в дежурку поступило заявление. В нем сообщалось, что сын заявителя третий день не выходит на связь, а его телефон отключён. Его жена тоже не отвечает. Ее телефон также вне зоны действия сети. Заявитель просил осмотреть дом и при необходимости объявить розыск.

Такие заявления, к сожалению, стали рутиной. Родственники писали регулярно. Ничего необычного. То люди забывали зарядить телефоны, то уезжали за границу без подключенного роуминга, то просто ссорились. Капля в море людских драм. Участковый ехал, чертыхаясь, на место предполагаемого ЧП, связывался с сотовой компанией и выяснял местонахождение телефона абонента. Стучался, опрашивал соседей. А дальше по обстоятельствам: либо взламывали двери, либо искали следы бегства, в том числе за границу.

Чаще всего родственники уже через неделю воссоединялись, и инцидент исчерпывался. Но в этот раз все пошло не по плану. Будто старый, затертый до дыр, сценарий выкинули, а с новым никто не соизволил ознакомиться.

Не прошло и получаса с момента регистрации заявления, как капитан, забыв об окончании дежурства, сорвался с места на служебной машине и помчался по указанному адресу. У ворот уже маячили сотрудники ППС, напряженные и готовые к любым неожиданностям. Капитану раньше не доводилось бывать в этом новом районе. Сердце, почему-то сжалось от дурного предчувствия. Вскоре к ним присоединилось и это «лицо».

Вечер того же дня

Криминалисты завершали свой мрачный магический ритуал. Фотограф в нелепом плоском головном уборе с плюшевым помпоном, похожий на безумного художника, уже упаковавший вспышку, теперь укладывал треногу и другие приспособления в большой ящик, словно хоронил последние отблески трагедии. Тела, облаченные в траурные одежды – плотные черные пакеты, застыли в тягостном ожидании длинного пути к их последнему пристанищу. Пара сотрудников, расположившись за столом в гостиной, старательно заполняла документы. Их коллеги, подобно теням из преисподней, медленно бродили по дому и осматривались в поиске ускользнувших деталей, пропущенных при первом осмотре.

Капитан стоял в центре просторной гостиной со старшим криминалистом.

- Оказывается все банально донельзя, – констатировал тот.
- Банальность, граничащая с абсурдом, – мрачно согласился капитан.
- Согласен, у богатых свои причуды и свои скелеты в шкафу...
- М-де... Но согласись дом зачётный.
- Однозначно. Четыре толчка...

Картина, представшая их глазам, не была ничем особенно ужасной или изощренной по замыслу.

В дом в итоге проникли без сложностей, самым обычным путем – сначала через ворота, потом через главный вход. Обесточенные магнитные замки безмолвно открыли все двери. Для того, чтобы инактивировать дом потребовался всего лишь один звонок в компанию. Только нужно было знать, кто именно должен звонить. Сначала капитан набрал номер своего непосредственного начальника. Дальше по цепочке... Импульс, пройдя лабиринты власти, достиг цели. Они оказались внутри.

При осмотре первого этажа быстро нашли первое тело. Это был молодой мужчина лет тридцати. Он лежал на спине, раскинув в стороны руки. Копоть покрывала его лицо; волосы на голове и груди обуглились. Капитан, руководивший досмотром, склонился над телом. Он попытался нащупать пульс на шее, но кожа была холодной и безжизненной. Пришлось констатировать неизбежно:

– Труп... – тихо произнес он. – Сержант, покинуть помещение. На территорию никого не впускать. Вызывайте труповозку, а я вызову криминалистов. И ничего не трогать!

Он медленно обошёл остальные комнаты первого этажа, освещая темноту фонариком. Больше ничего подозрительного не попало.

Аккуратно поднялся на второй этаж. Заглянул в первую комнату – никого, в следующую – вообще пусто, санузел – тоже чисто. Развернулся, чтобы осмотреть помещения в обратном направлении: комната – никого. Отодвинул дверь в сторону...

В нос ударил резкий трупный смрад. Капитан задержал дыхание. Луч фонарика заметался по стенам, полу, потолку в поисках источника вони, но тьма продолжала скрывать загадку. Он шагнул внутрь и замер в оцепенении...

– Что скажешь, Семёныч? – капитан, скривился в очередной раз, зажал нос рукой и ненадолго заглянул в ванную, где работал судебный эксперт.

– А что тут сказать? – донеслось в ответ. Эксперт в белом защитном костюме и респираторе, похожий на инопланетянина, на секунду оторвался от тела, вновь погрузился в работу. В руках он держал очередной диковинный прибор.

Обнажая картину смерти, яркий, безжалостный и холодный свет фонарей на треногах выжигал все тени.

– Как что? Когда умерла? От чего? – капитан с усилием открывал рот. Он вдыхал воздух, и его лицо искажалось гримасой отвращения.

– Сереженька, – ласково начал эксперт. Он говорил тоном умудренного жизнью отца, который объяснял своему несмышленому сыну прописные истины, – сейчас сказать что-то однозначно очень сложно. Это – гадание на кофейной гуще. А ты за мою опрометчивость потом прицепишься, как клещ по весне, и не оторвешь. Так что все ответы – потом. Пока лишь общая картина, и та смазана: труп женского пола, лет этак 25 – 37. Предварительная причина смерти – обширный ожог кипятком, хотя могла и захлебнуться. Лицо, вон, видишь какое синюшное? Признаков насильственной смерти пока не наблюдаю – нет следов борьбы, как будто она без сознания лежала. Но зачем тогда кипятком? Странно все это... Детально будем в бюро разбираться. Не исключить наркотическое или алкогольное опьянение – ждем результаты анализов на ХТИ. Трупные пятна на одной стороне – тело не перемещали, значит погибла тут, в ванной. Трупное окоченение полностью разрешилось – она здесь явно больше 3 суток провела, даже несмотря на достаточно низкую температуру. И это подтверждается гнилостными изменениями, причем уже больше половины. Смотри: живот надулся – бактерии вышли из кишки и начали жрать все вокруг. Веки тоже вздулись, венозный стаз вон как выражен на ногах, хоть и кожа почти вся слезла. Это как раз у нас на пятые сутки начинается. В общем данные противоречивы. Хочешь посмотреть поближе?

– Не, Семеныч, спасибо, – капитан выдохнул остатки воздуха и, уже стоя за порогом, спросил. – А результаты когда будут?

– Нууу... – протянул эксперт, не поднимаясь. – Сегодня вскрытия уже точно не будет, минимум завтра, если ничего срочного не привезут. Значит, к вечеру озвучим устный предварительный вердикт. Если все будет понятно, без находок. А ежели нет – то нет. Плюс анализы – это еще неделя. Короче, дней десять – и у тебя будет все разложено по полочкам, Сережа.

Капитан спустился на первый этаж. Тело мужчины уже упаковали и перенесли ближе к выходу.

– Что скажете, – подошел он к незнакомому молодому криминалисту, – на первый взгляд?

Тот молча достал из кармана потертого пиджака поблекший платочек. Медленно, как сонный филин, протер свои круглые очки и заунывно заговорил:

– На первый взгляд, мы имеем поражение электрическим током. Об этом свидетельствует массивное обгорание лица и верхней части грудной клетки, а также характерные токовые метки на правой кисти. Других видимых повреждений не выявлено. Судя по открытому щитку, смерть носит случайный характер. Предполагаемая дата смерти день-два назад: трупное окоченение начинает проходить, трупные пятна свидетельствуют о том же. Брюшная стенка пока не изменена...

Капитан торопливо записывал всю информацию в свой блокнот, стараясь не упустить ни слова.

Тем временем группа оперативников причесала весь дом, но ничего существенного не нашла. Телефоны жертв упаковали в отдельные целлофановые пакетики – их изучением займутся позже. Рядом на стол сложили ноутбуки и планшеты. Кто-то притащил моноблок –

цифровая информация могла содержать нужные ответы и порой располагалась в самых неожиданных местах.

Несмотря на внушительный размер дома и территории, основная работа была закончена в восемнадцать часов. Оставалась только бумажная волокита. Появилась надежда успеть домой засветло.

Но капитану предстояло вернуться в отдел. К завтрашнему утру требовалось подготовить предварительный отчет с решением о возбуждении уголовного дела. Но, похоже, к ответственности привлечь было некого. Конечно, результаты вскрытия внесут свои коррективы, а переписка в мессенджерах, возможно, даст дополнительные сведения. Но пока картина выглядела достаточно обыденно: женщину (вероятно, хозяйку дома) убил мужчина (хозяин дома, его опознали по фотографии). После этого он, осознав содеянное, покончил с собой. Правда, выбрал довольно экстравагантный способ ухода из жизни, но...

– Оказывается все банально донельзя, – констатировал судмедэксперт.

– Банальность, граничащая с абсурдом, – мрачно согласился капитан.

– Согласен, у богатых свои причуды и свои скелеты в шкафу...

– Мде, но согласись дом зачётный.

– Однозначно. Четыре толчка...

Разговор прервал шум с улицы и отрывистые крики:

– Куда претесь? Не видите – огорожено!

– ...

– Я кому сказал: туда нельзя!

– Сержант, тебе работать надоело? Руку убрал!

В дверях возник неизвестный мужчина, а из-за его спины виноватым голосом промямлил

ППСник:

– Товарищ капитан... Прет как танк... Говорю же – нельзя.

– Где он? – дрогнувшим голосом с порога спросил незнакомец, вместо приветствия.

Капитан шагнул на встречу:

– Вы, собственно, кто?

Вошедший озирался по сторонам. Он не обращался ни к кому конкретно, с нажимом проговаривая каждую букву:

– ГДЕ ОН?

25—30 июня

Полиция работала не просто слаженно, но и оперативно: за короткий промежуток времени провернув огромный пласт работы.

– Михалыч, заходи, – начальник открыл дверь и пропустил вперед подчинённого. – Ну, что там твои копатели нарыли?

– Товарищ полковник, значит так... – докладчик попытался аккуратно положить на стол кипу бумаг, но стопка поехала в бок и соскользнула на пол. Отдельные листы разлетелись в стороны. – Ой, извините...

– Михалыч? – полковник, расположившись в своем кресле, с недоумением смотрел на эти неловкие движения.

– Сейчас, сейчас. Все соберу! – майор судорожно метался по кабинету от одного листика к другому, пытался схватить бумагу, но неуклюжие толстые пальцы только мяли их.

– Михалыч! – рявкнул полковник. Майор застыл в полуприсяде, как охотничья собака по команде в стойке. Он так и не поднял ни одного злополучного листа с пола.

– Да? – отозвался он, стараясь унять предательскую дрожь в коленях.

– Не суетись, – уже мягче продолжил начальник. – Успокойся и докладывай устно. Документы приведёшь в порядок и сдашь Еременко. А мне сейчас нужны только факты. Хорошо?

Майор молча кивнул. Он чувствовал как рубашка на спине намокает предательскими пятнами.

– Ну и славненько. Присаживайся и докладывай как есть...

Майор скомкал предательские листки, швырнул их на стол и тяжело опустился на стул. Его лицо пылало. Он чувствовал себя провинившимся школьником перед строгим учителем.

– Ну? – полковник не сводил взгляда с майора. Достал сигарету, зажег и глубоко затянулся.

– Товарищ полковник, докладываю! – майор резко вскочил. – Произведен опрос соседей. Район, как вы знаете, новый и ээээ... элитный. Многие недавно туда заселились. Никто друга друга толком не знает. Да и не очень принято общаться между собой в таких местах. Ничего подозрительного соседи, естественно, не видели и не слышали. Соответственно, ничего определенного о жертвах сказать не могут.

Полковник продолжал курить, медленно выпуская дым, и внимательно слушал докладчика, смотря на него как удав на кролика.

– Но! – майор вскинул указательный палец. – Обнаружен весьма интересный факт. Примерно месяц назад в районе произошла необычная ситуация с жильцом этого комплекса. Он случайно попал на вечеринку, посвященную новоселью...

– Что за ситуация? – нетерпеливо перебил полковник, начиная терять нить доклада.

– Там вышло забавно: у них ДТП случилось. Его автомобиль столкнулся с зорбом...

– С чем???

– С зорбом. Это такой специальный шар, знаете? Туда человек залезает и может бегать по любым поверхностям.

– Михалыч, я тебя умоляю, можно ближе к делу? – полковник раздраженно потер переносицу. Он предчувствовал приступ мигрени.

– Так вот я и говорю, – засуетился майор, – шар перелетел с дороги через забор во двор. Из-за этого инцидента опрошенный с его друзьями оказались во дворе жертвы. Они зашли извиниться и уточнить, все ли целы. Благодаря этому он и запомнил странное поведение хозяйина дома.

– Странное поведение? – в голосе полковника прозвучал интерес.

– Да, товарищ полковник. По словам свидетеля, хозяин дома – его имени он не запомнил – устроил публичный скандал. Он обвинял жену в неверности, что вызвало недоумение у гостей. Зрелище, как утверждает опрошенный, было неприятное, особенно на вечеринке. А вот имя жены свидетель запомнил хорошо. Но сказать, действительно ли она изменяла мужу или стала жертвой абьюза, он не может – пробыл там недолго и больше не заходил...

– Значит, речь идет об элементарной ревности? – полковник нахмурился и закинул ногу на ногу.

– Возможно, товарищ полковник. Но конкретных доказательств у нас нет. Мы продолжаем собирать информацию и проверять мотивы.

– Михалыч... Вот у меня вопрос, – начальник задумчиво потер нос большим пальцем.

– Слушаю, товарищ полковник, – майор прервал доклад.

– Вызывает меня, допустим, генерал и спрашивает о ходе дела. А я ему эту ахинею: жена гуляющая, со слов соседа-алкаша, горб какой-то... Как думаешь, что он мне скажет? Спросит, не пора ли мне на пенсию?

– Зорб, товарищ полковник, – еле слышно прошептал майор.

– Да мне насрать, зорб он или еще как! – подскочил полковник со стула, ударив ладонью по столу. – Ты думай, что говоришь и где! Или, если мне устроят выволочку за такой доклад, я тебе характеристику нормальную напишу? Или ты у меня в отпуск вовремя сходишь?

– Виноват, товарищ полковник, – с каждым словом в его адрес майор пытался еще больше втянуть свой свисающий живот, становясь по стойке смирно. – Но все это ложится на доказательную базу!

– Ну так рассказывай, а не тяни кота за яйца со своим борбом.

– Выполнен анализ звонков и переписка, допрошены родители гражданки М. Там стопроцентное алиби – они никуда в те дни не выезжали и физически не могли быть на месте преступления. Свидетелей этого мы не допрашивали – ехать за тридевять земель смысла не вижу. Родители горем убитые – потеряли единственную дочь и кормилицу. Мотивов у них быть не могло, они простые люди, прямо... колхозники. Куда им мотаться-то... – майор поймал взгляд начальника и запнулся. – Извините, товарищ полковник. С матерью у жертвы были доверительные отношения. Мать утверждает, что у дочери не было врагов и серьезных конфликтов с кем-либо. Также нашли трех ее более-менее близких знакомых. Из столицы. Все связаны с ней по работе. Подруг из школы и института не осталось. Окружающие в ее личную жизнь не лезли, жалоб не слышали, но все как один отмечают ревность мужа. Дальше слов, правда, дело не заходило, телесных повреждений никто не видел. Допросить родителей гражданина П. не удалось...

– Майор? —начальник откашлялся в кулак, теряя терпение.

– Да?

– Я понимаю, листы упали и перемешались. Но в голове-то у тебя что? Тоже все перемешалось? Или ты форму доклада запамятовал?

– Понял, товарищ полковник, исправлюсь. Оба тела опознаны родственниками. Гражданин П., 32 года, уроженец столицы. Женат... был. На учете ни у нарколога, ни у психиатра не состоит. Но в детстве и в подростковом возрасте были проблемы. Без госпитализаций. Лечился таблетками амбулаторно. Работал в службе безопасности банка Б., но полуофициально. В плане оформлен, но на работе не появлялся. Сотрудники о нем толком ничего не знают. Начальство говорит невразумительно, вроде как работал дистанционно, занимался чем-то вроде разработок по безопасности, писал какие-то программы. Последней его работой стало создание полностью автоматизированной системы безопасности для многоступенчатых транзакций. Похоже для полулегального отмывания денег.

Начальник молча слушал.

– Последний заказ выполнялся совместно с зарубежной фирмой, но там ничего не ясно. Они прикрываются коммерческой тайной, а мы не можем на них давить. Если будут отдельные распоряжения... – майор украдкой взглянул на начальника в надежде уловить знак, но лицо полковника оставалось бесстрастным. – Удалось вычислить двух его компаньонов в нашем городе. Они в один голос утверждают, что являлись субподрядчиками и подчинялись исключительно ему. Выполняли часть работы, друг друга не видели, общались только по электронной почте. Остальные люди исчезли, на связь не выходят. Создается впечатление, что почтовые адреса и телефоны были одноразовые, созданными исключительно для данной работы. Поэтому все так рухнуло. Эти двое – просто шальная удача. Можно предположить, что в доме побывали конкуренты или недовольные заказчики. И очень хочется порыть в этом направлении, но к нашему делу, мне кажется, это не относится. И вот почему. При осмотре его ноутбука ценных сведений не обнаружено. Наши айтишники еще разбирают документы из папок, но ничего имеющего отношения к произошедшему нет. Финансовые махинации есть, при желании можно ими заняться самостоятельно или передать им, – он ткнул указательным пальцем в потолок. – В почте – только деловая переписка, которая в интересующие нас даты не велась. Зато в истории браузера с моноблока есть запросы на покупку билетов и бронирование хостелов без документов. Все это во второй половине дня девятнадцатого июня. Через сутки – множество запросов на тему самоубийства. Вы знаете, товарищ полковник, интернет кишит дельными советами. И главное нет ни одного жалобщика...

– Майор?

– Да?

– Ты в своём уме?

– Прошу прощения. Больше ничего стоящего извлечь из ноутбука не удалось. Телефон, вероятно, с вечера 19 числа был отключён или в авиарежиме – ни звонков, ни сообщений. А вот в первой половине дня были три исходящих звонка в мелкие заграничные отели. Правда, продолжительность всего 2—3 секунды. Скорее всего, он по какой-то причине сбрасывал вызов.

– То есть ты ведёшь разговор к тому, что он хотел сбежать из страны, но потом передумал и решил покончить собой?

– Терпение, товарищ полковник. Гражданка М. 28 лет. Провинциалка. Из простой семьи: мать – учитель истории, отец – мелкий предприниматель в Калуге. Ничего особенного. В Москве живет, ой, жила, 10 лет с момента поступления в институт, который бросила за год до окончания, отправилась в академ. Сначала училась хорошо, потом успеваемость резко снизилась. Скорее всего, девочка нашла себя в другом. На учете нигде не состояла, в поле зрения правоохранительных органов не попадала. Активность в соцсетях началась пять лет назад. Пробовала себя в различных ипостасях, остановилась на фитнесе и фитнес-клубах. Завистников, преследователей мужского пола не выявлено. Все как у всех, обычные комментарии под постами. Ее ноутбук содержит больше информации в связи с активным ведением соцсетей. Мы опросили человека, которой ведет один из ее каналов, но финансовый мотив исключен. Однако все это перечеркивает одна находка в последней переписке...

– Не томи, а!

– Там недвусмысленный диалог между ней и неким молодым человеком. Он уличает ее в измене.

– Вы установили его личность?

– Никак нет. Его аккаунт был удалён в тот же период. Пока не удастся найти следы.

– Могла ли это быть провокация? Создан левый аккаунт, размещена компрометирующая информация, потом удален.

– Теоретически да. Но переписка велась между двумя знакомыми людьми, которые состояли в интимной связи.

– То есть для убийцы это послужило триггером?

– Что, простите?

– Спусковым крючком: он прочитал, ему снесло крышу, и понеслось...

– Вероятно, да. Но мы упираемся в его родителей, точнее в отца. Он категорически отказывается от бесед. Учитывая его политическую активность, не исключены действия конкурентов.

– Майор, туда не лезть. Я уточню еще раз, но пока работаем в прежнем русле.

– Капитан, что у тебя? Выкладывай.

– Ничего интересного. Вот рапорт о беседе со строительной фирмой, она же обслуживающая, – капитан положил на стол одну из папок.

– Давай тезисно, нет времени вникать в писанину.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос?

– Что? – полковник уставился на капитана взглядом, способным прожечь дыру.

– Почему вокруг банального убийства с самоубийством такой ажиотаж? Или дело не совсем обычное?

– Не совсем. И чем быстрее мы докажем заурядность произошедшего, тем скорее с наших шей снимут удавку. Это не моя прихоть, капитан – мы все в одной упряжке. Поэтому давай ближе к делу.

– Беседы с фирмой ничего конкретного не дали...

– Ты сам туда ездил?

– Нет, Славку отправлял, но контролировал каждый шаг – не к чему придраться.

– Эх, надо было самому...

– Не думаю товарищ полковник. Беседа проходила на их территории с пресс-секретарем и еще какой-то некрупной сошкой. Мне бы рассказали столько же. На них у нас по факту ничего нет.

– Ладно, продолжай.

– По сути, картина совпадает с нашей гипотезой: посторонних в доме быть не могло. Они бы не проникли в дом сами. Если же предположить, что их впустила одна из жертв, то они не смогли бы выйти. Еще одна несостыковка – разница между двумя смертями около трех суток. Думать, что кто-то прятался в доме все это время, карауля мужа, кажется нелепым. Поэтому Павел убивает свою жену в зоне без видеокамер, и свободно перемещается по дому. Дом не получил визуального подтверждения смерти владельца, но зафиксировал его долгое отсутствие в поле зрения камер. Он перешел в режим повышенной готовности и заблокировал все выходы, расценив ситуацию как похищение или убийство хозяина. Так Павел сам попал в ловушку своей же системы, которую создала его же система безопасности. В итоге он испугался, впал в панику, понял, что расплата неизбежна, и принял опрометчивое решение расстаться с жизнью таким способом. Это что касается фирмы... Но есть еще одна проблема...

– Какая еще?

– Дом напичкан камерами. Они стоят практически во всех помещениях и фиксируют происходящее круглосуточно.

– Так что ты мне голову морочишь? Записи посмотрели уже? Что там?!

– В том-то и дело. Записи с камер внутри дома и по периметру сохраняются на жестком диске локального компьютера внутри дома. Копий и дублей нет.

– И?

– И данные за последние три дня как корова языком слизала.

– Как это? Они удалены?

– Непонятно. Наши айтишники все проверили, но не нашли следов удаления. Известно, записывалось ли видео вообще в эти дни.

– То есть ты хочешь сказать, что он либо заранее вырубил запись, зная о своих планах, либо удалил файлы непосредственно перед самоубийством?

– Есть и третий вариант. Он маловероятен, но полностью исключать нельзя: сбой в системе при насильственном отключении автономии дома. Просто все слетело к чертям собачьим и именно в этот промежуток времени. Фирма разводит руками – у них это первый подобный случай, но вины своей не признают. Следовательно, не несут ответственности за последствия. Но нет худа без добра: на одной из видеозаписей накануне смерти жертвы Павел угрожает ей физической расправой. И, судя по интонации, это не пустые слова.

– Ладно. Дом мог позволить убийство в слепой зоне. Но как он допустил самоубийство?

– Тут все просто. Дом обеспечивает безопасность в разумных пределах. Теоретически можно было успеть обесточиться, но Павел действовал спонтанно...

– Согласен, слабая зацепка. У тебя все, капитан?

– Так точно.

– Благодарю, можешь идти.

Капитан оставил папки на столе и неторопливо покинул кабинет.

– Аллю! Товарищ генерал, здравия желаю! Разрешите доложить?

–

– Докладываю. Отработана версия убийства третьими лицами: на участок и в дом никто не проникал. Фирма в продуктивный контакт вступать отказалась, но необходимые пояснения

дала. Изучены контакты, переписка и звонки жертв – все сводится к одному: муж приревновал, убил в состоянии аффекта, выбраться из дома не смог, покончил с собой.

– ...

– Последним женщину живой видел тренер, который накануне подвозил ее домой. Но там все чисто, интимную связь отрицает. Есть еще информация о регулярных скандалах на почве ревности.

– ...

– Нет, с родителями молодого человека не беседовали: мать в больнице, а отец категорически отказался от встреч и разговоров. Ему я сам лично звонил, но активно не настаивал, как вы и просили. Своих тоже сдерживаю.

– ...

– Есть. Больше не беспокоить. С родителями девушки общались, когда они забирали тело. Ничего примечательного. Еще один факт: всплыли финансовые махинации. Будем работать в этом направлении?

– ...

– Есть!

– ...

– Так точно! Просто если это все-таки было убийство, связанное с профессиональной деятельностью молодого человека или отца...

– ...

– Никак нет. Фантастика, согласен. Принято.

Полковник нажал на отбой и громко выдохнул. Он весь разговор простоял по струнке, не отрывая взгляда от огромной фотографии президента над столом. Лицо его оставалось неподвижным, но внутри бушевали эмоции. Этот звонок мог в доли секунды перевернуть весь ход расследования, но теперь ситуация выравнивалась.

– Кажись, можно вздохнуть спокойно, тучи расходятся. Вот послал же боженька испытание на старости лет.

Последние недели выдалась на редкость паршивыми: сначала это мутное дело, потом финансовые скелеты вылезли из шкафов, на которые он с трудом смог закрыть глаза. И пристальный контроль сверху. Но, видимо, судьба все же решила сжалиться и дать ему передышку.

Полковник подошел к двери, потрогал ручку, проверил заперта ли она, и вернулся к столу. Достал початую бутылку коньяка и стакан, небрежно плеснул половину и опрокинул залпом. Коньяк обжег горло, рухнул горячим комом в желудок, но через мгновение разлился приятным теплом, унося проблемы хотя бы ненадолго.

15 июня

В кабинете сидели четверо: капитан, полковник – начальник отдела, генерал и мужчина в гражданском.

По их напряженным лицам было ясно – разговор начался не пять минут назад и атмосфера далека от дружелюбной. Воздух стал густым от тяжелых слов. Длинные косые тени от ламп падали на лица, добавляя сцене драматизма.

– Анатолич, не кипятись, – полковник пытался разрядить обстановку, при этом сохраняя спокойствие, но выражение его лица выдавало бурю внутри. – Ты смотришь на ситуацию слишком узко и однобоко. Попробуй взглянуть ширше, а?

Генерал злобно переводил взгляд с одного подчиненного на другого. Его массивная фигура нависала над столом, символизируя давление власти. В голосе слышалось нескрываемое раздражение:

– Вадим Сергеевич, мне кажется, твои орлы позволяют себе слишком много вольностей. Если я вижу, что творится в моем присутствии, то боюсь представить, что здесь происходит в остальное время. Не пора ли разогнать вашу шарашкину контору? Тебя, Сергеич, отправить на заслуженную пенсию. Капитана... допустим, в поля. На пару лет – видно человек засиделся, забыл, как надо работать. Помотается, проветрится, вспомнит что к чему. Или поймет, что это не его все – да и уйдёт из органов в ЧОП, тишь да гладь. А сюда посадить молодого толкового майора – люди же хотят работать, хотят служить, надо же дать им шанс. Тем более тут поле не паханое.

– Сан Саныч, ну хватит шашкой-то махать, – начальник отдела поднялся из-за стола лицом к генералу, за спиной показывая капитану сжатый кулак. – Мы здесь денно и нощно на страже района. Сбежит отсюда майор через пару недель от такой нагрузки, если скорая раньше не увезёт. Капитан сегодня после дежурства, ночь опять выдалась жаркой – два ножевых, банк под утро вскрыли... Но, благодаря Сергею Анатольевичу, все оперативно организовали: одного взяли на месте, личность второго – установили. С банком, правда, засада вышла, свободных машин не было – поздно приехали...

– Вы одного взяли потому, что он в соседней комнате сидел, водку жрал, – перебил его генерал, – а не потому, что молодцы!

– Но оперативно среагировали же, – поникшим голосом возразил начальник отдела.

– Оперативно – это когда его приняли бы за бытовуху пару-тройку раз за последний год, да организовали регулярные встречи с участковым. Сколько раз жена заявление писала?

Наступила неловкая пауза. Начальник отдела опустил глаза, его щеки залила краска. Капитан молчал, понимая, что сейчас лучше не высовываться.

– Не знаешь, а я отвечу! Семь раз. Семь, Карл! Представляешь, приходит женщина и просит помощи, говорит бьют меня и ребёнка, убить грозятся. А вы что? Участковый разберётся. Разобрался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.